

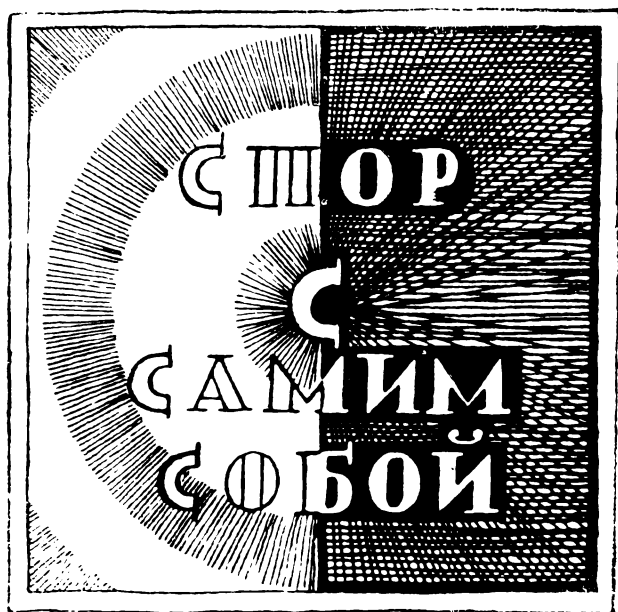
В И К Т О Р К О М А Р О В

СПОР С САМИМ СОБОЙ

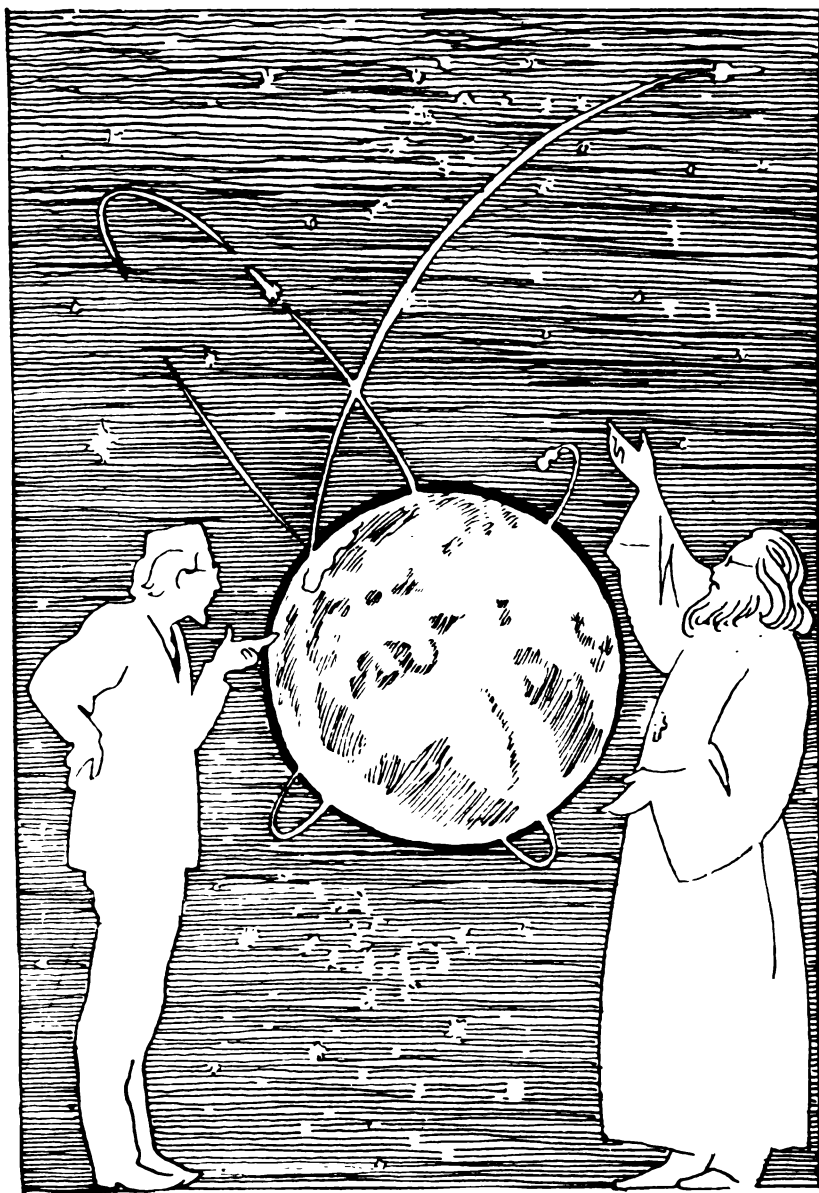
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

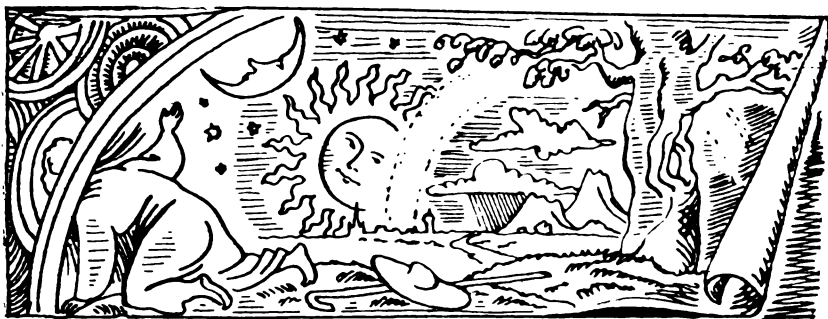
ВИКТОР КОМАРОВ

Рисунки Л.Дурасова

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1972

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книги, подобные этой, нуждаются в предисловиях. Читатель должен знать не только зачем, но и почему они написаны.

Мысль, или, вернее сказать, желание написать эту книгу возникла у меня не в один день. Несколько раз мне приходилось выступать перед школьниками вместе с одним бывшим священником, который в свое время порвал с религией и теперь делится воспоминаниями о своей прошлой «церковной жизни» и о тех причинах, которые заставили его «рассчитаться с прошлым и начать жизнь новую».

Подобные выступления, разумеется, весьма полезны и поучительны. Но вот на что я обратил внимание: вопросы, которыми слушатели засыпали бывшего священнослужителя, в большинстве своем касались церковной жизни, малоизвестных ее сторон. И почти никто особенно не интересовался теми принципиальными соображениями, которые, очевидно, и заставили выступавшего отказаться от религиозных взглядов, да и сам он останавливался на этом вопросе довольно бегло: разочаровался, понял, что религия обман, потому и порвал...

Я невольно задумался: почему это так? И, кажется, понял. Почему на нас, скажем, производят такое сильное впечатление некоторые рассказы, повести, произведения искусства? Почему

так волнуют судьбы их героев? Да потому, что в этих судьбах мы находим нечто нам близкое, созвучное нашим собственным наблюдениям и переживаниям, нашему жизненному опыту. А если этого нет, книга, спектакль, кинофильм по-настоящему не волнуют, проходят мимо, в лучшем случае развлекают, вызывают любопытство.

Не так ли обстоит дело и при встречах с бывшими священнослужителями? Любопытно? Еще бы! Поучительно? В какой-то степени... Но слишком далеко от большинства, чтобы задеть за живое, взволновать по-настоящему, заставить задуматься всерьез... Ведь подавляющее-то большинство слушателей — неверующие!

Почему-то многие считают, что атеизм — это нечто предназначенное специально для верующих, чтобы распропагандировать их, переубедить, оторвать от религии. А с теми, кто и так не верит в бога, об атеизме и говорить незачем. Тем более, что в нашей стране времена могущества церкви давным-давно прошли, а верующих становится все меньше и меньше.

Конечно же, атеизм — это не только «антирелигия», то есть собрание контрдоводов, предназначенных для критики религиозных взглядов. Атеизм имеет и вполне самостоятельное значение. Это стройная система последовательно материалистических взглядов на мир, исключаяющая любое религиозное объяснение законов природы. Если бы даже религия и церковь вообще исчезли, атеизм как часть материалистического мировоззрения все равно продолжал бы существовать и сохранил свое значение.

Итак, что же это такое — атеизм?

В его фундаменте прежде всего лежит активное отрицание каких бы то ни было проявлений сверхъестественного в каждом явлении природы. Но не одно это. Атеизм — еще и принципиальное отрицание слепой веры как основы для каких бы то ни было убеждений и выводов. И не только в вопросе о существовании бога, но и в отношении человека к окружающему миру вообще. Атеизм — это настойчивое стремление выявить естественные причины любых явлений природы и общественной жизни, любых свойств человеческой личности.

И я подумал: конечно, тем, кто не верит в бога, интересно услышать, почему священнослужители порывают с религией. Но гораздо важнее и полезнее для них узнать, как складываются атеистические убеждения человека такого же, как они, который, как и они, никогда не был верующим...

Я не сразу решился написать эту книгу. И не знаю, родилась бы она вообще, если бы не один случай.

Молодой способный физик, с которым я вместе работал, — назовем его Н., — человек, на протяжении нескольких лет даже выступавший с атеистическими лекциями, вдруг во всеуслышание объявил, что верит в бога.

Через несколько дней я случайно встретил его на улице. По-здоровались. Обменялись двумя-тремя ничего не значащими фразами. И замолчали... Прежде мы как будто находили общие темы, но сейчас говорить сразу стало как-то не о чем. И в самом деле: о чем говорить и главное — как? Сделать вид, что ничего не произошло? Глупо... Произошло! Не каждый день физики «уходят» у нас в религию. Поговорить о том о сем, о погоде?.. Бессмысленно.

Но Н. сам заговорил о своем неожиданном поступке.

— Должно быть, я сильно всех вас удивил? — осведомился он, натянуто улыбнувшись и, как мне показалось, с некоторым вызовом.

— Но почему, — не удержался я, — почему вы — и вдруг верите в бога?

— Почему? — переспросил он и посмотрел мне прямо в глаза. — А почему вы в него не верите?

Я не был готов вступать с ним в дискуссию. Вот так — на ходу, на улице. И все же если бы он стал приводить какие-то аргументы, убеждать в своей правоте, я бы ответил... Однако вопрос он встретил вопросом. И я, к своему собственному удивлению, почувствовал, что не могу достаточно кратко и убедительно на него ответить. Как, когда и почему я сделался атеистом? Честно говоря, я никогда над этим специально и не задумывался.

А Н.? Как и все мы, он учился в школе, в советской школе, где все проникнуто атеистическим духом. Закончил университет, да не какой-нибудь факультет — физический. А ведь физика — основа многих наших представлений о мире, о материи.

Где и когда это началось? Может быть, в детстве? Первые жизненные впечатления сильны и неизгладимы, они во многом определяют будущее человека, его личность. Но, судя по всему, Н. в детстве был избавлен от религиозных влияний.

Да и если бы он стал верующим еще в юные свои годы, на протяжении целого ряда лет ему пришлось бы вести двойную жизнь. Что-то на него не похоже: ведь заявил же он о своей религиозности открыто.

Нет, видимо, не детские впечатления привели Н. в религию. Что же тогда? Насколько мне известно, не было в его жизни и особых трагедий. Тех, что нередко еще и в наше время рожают у слабых духом людей веру в бога. Окончил школу, учился в университете, стал работать в конструкторском бюро...

Теперь многие говорят, что на Н. кто-то оказывал влияние. Возможно. Но кто это был? Какие-нибудь философствующие молодые скептики, все подвергающие сомнению и бравирующие кажущейся оригинальностью своих мыслей? Или глубоко верующий человек, к которому Н. почему-то прислушивался? Или, наконец, священнослужитель, специально поставивший перед собой цель — обратить молодого физика в религиозную веру?.. Не знаю. Мне неизвестны факты.

Не знаю я и того, что представляют собой религиозные убеждения Н. Он заявил, что верит в бога.

Как же он верит? Может быть, все это просто поза, стремление к оригинальности — хоть этим выделиться? Бывает и такое. Но мне почему-то кажется, что произошло нечто более серьезное. Скорее всего, Н. чего-то не понял в научной картине мира, ускользнуло от него какое-то важное звено, и все рассыпалось. Видимо, были какие-то вопросы, оставшиеся для него без ответа, какие-то аргументы, для которых не нашлось опровержений, какие-то доводы, способные убедить даже человека с университетским образованием.

Вот где главное. Если эти вопросы, доводы и аргументы так сильно подействовали на Н., то какое впечатление они могли бы произвести на меня, как бы ответил на них я сам?..

Как же все это происходило? Может быть, так?

...Вечер. За окном оживленная улица. Сияние фонарей, автомобили, автобусы, троллейбусы. Торопятся прохожие... А здесь спокойствие. Тихий свет торшера выстелил пол голубоватым ковром. В комнате двое: Н. и его собеседник Икс.

— Не будем возобновлять этот разговор,— говорит Н.,— прошу вас...

— Но почему же,— возражает Икс,— вы ведь физик. А физик, насколько я понимаю, не уходит от неизвестного, а, наоборот, стремится ему навстречу, старается его понять.

Н. молчит.

Икс продолжает:

— Надеюсь, вы не считаете меня сумасшедшим?

— Что вы! — искренне восклицает Н.

— И вы знаете, что я человек достаточно образованный, да-

леко не невежда. И тем не менее, как видите, я верю. Верю в то, что есть Он... Бог. Неужели одно это не заставляет вас задуматься?..

Не знаю, что ответил на это Н. Возможно, просто промолчал. И возможно, следует еще один довод:

— Разве для вас в мире все так уж ясно? Разве в вашей собственной жизни не случилось ничего загадочного, таинственного, не поддающегося обычным объяснениям?

— Но разве наличие неизвестного доказывает существование бога? — вполне возможно, что именно так, вопросом на вопрос, ответил Н. — Наука вовсе и не отрицает, что многого мы еще не знаем.

— Тем более, — подхватывает Икс. — Неизвестное не доказывает существования бога, но оно не позволяет доказать и его небытие.

— Не понимаю...

— Я хочу только сказать, что все научные рассуждения основаны на твердо установленных фактах. Не так ли?..

— Разумеется, — подтверждает Н., не подозревая подвоха.

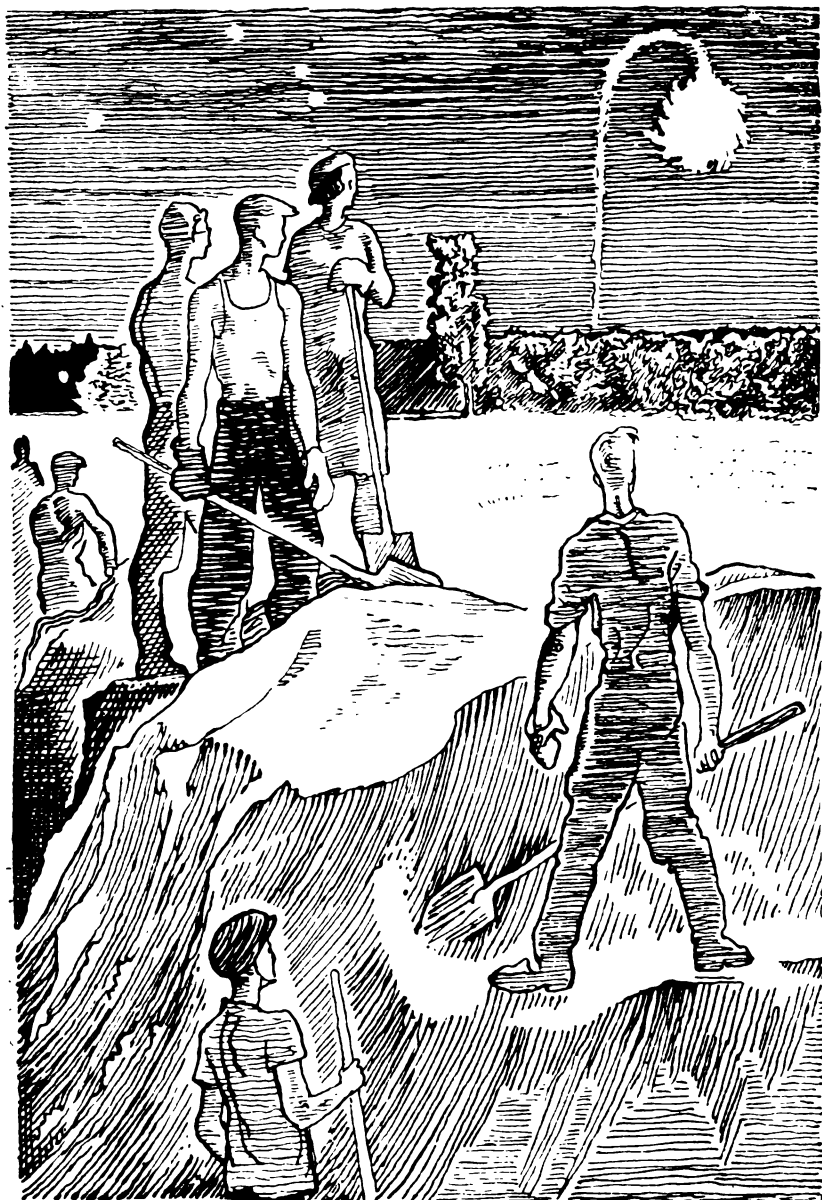
— Вот именно, — снова подтверждает Икс. — Но если того, что еще только предстоит открыть, мы не знаем, все научные доказательства превращаются в простую условность, в лучшем случае — в предположения...

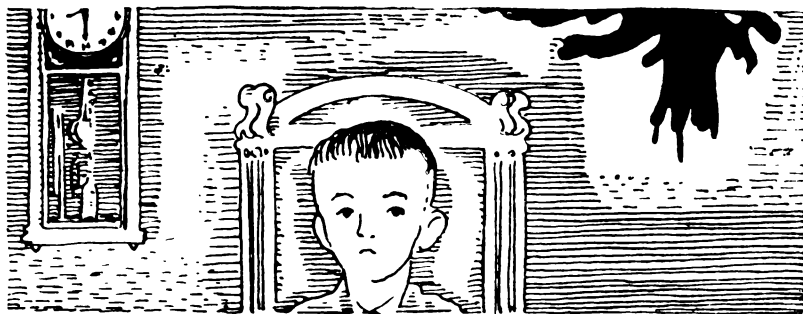
И вновь я не знаю, что отвечал на это Н. Да сейчас это не так важно. Я хочу сам ответить на вопросы, которые мог бы поставить передо мной религиозный проповедник. И вообще на вопросы, связанные с научным и религиозным мировоззрением.

Не просто сойтись в словесном споре, где нередко все решают удачно сказанная фраза, вовремя брошенное замечание, остроумный оборот речи. Я хочу все продумать, взвесить, оценить возможные возражения, найти убедительное опровержение каждому, пусть самому малому из них. Одним словом, осмыслить свой собственный атеизм.

Ведь в жизни мне не раз приходилось сталкиваться с разными ситуациями, имеющими то или иное отношение к религии, и удавалось находить правильные объяснения, верные ответы. Восстановить в памяти, как шел этот мой долгий спор с самим собой. Восстановить не ради прошлого — ради будущего!

И я хочу продолжить этот спор, поставив себя мысленно на место Н., чтобы проверить свое оружие в действии, можно сказать — в бою, в том самом, в котором Н. потерпел поражение.

Глава 1

В ПОИСКАХ ПРИЧИН

ВЕРА ИЛИ РАЗУМ

Евы не считаете меня безумцем? Вы знаете, что я далеко не невежда? И тем не менее я верю... — так говорил Н. его воображаемый собеседник в придуманном мной разговоре.

Но ведь и в самом деле: пример — великая сила. И, к сожалению, пример не только положительный.

Человек — прежде всего член общества. И потому с наибольшей силой на него действуют не математические формулы — пусть самые точные, не логические выкладки — пусть самые убедительные, а поведение и мнение себе подобных. Скажем, есть у меня твердая точка зрения по какому-то вопросу. И вдруг приятель говорит мне нечто совершенно противоположное. И я чувствую, что сам он в этом глубоко убежден. Как хотите, я не могу от этого просто так взять и отмахнуться. Начинаешь размышлять: а может быть, он в самом деле что-нибудь такое знает, до чего-то додумался? Эти мысли преследуют, не оставляют в покое. Знаешь, что правда на твоей стороне, что она подкреплена фактами, расчетами, и все равно отрешиться от воздействия другой человеческой личности не легко.

Был в моей жизни случай, когда я на себе испытал подобное влияние. И до сих пор не могу себе этого простить.

То лето я вместе с бабушкой провел в одной маленькой под-

московной деревушке. У хозяев был сын моих лет, мы быстро сдружились и почти все время проводили вместе.

И еще был дед — старый солдат, ветеран первой мировой войны, удивительный человек, хорошо знающий и понимающий природу. Сколько интересного и полезного мы услышали от него, чему только не научились!

Но однажды пришла беда. Искупавшись в холодный, ветреный день, Саша заболел. Два дня он пролежал с высокой температурой, но на это как-то никто особенно не обратил внимания — простуда и простуда, сама пройдет. А на третий день ему вдруг сделалось хуже. Наверное, это было очень сильное воспаление легких — к вечеру он весь горел. Домашние средства не помогали. Саша бредил и метался на жесткой узкой койке.

— Надо ехать за врачом,— сквозь слезы сказала Сашина мать.

Была уже ночь. До ближайшей больницы километров двадцать пять, не меньше.

— Оставь,— властно остановил ее дед.— Не поможет врач. Не жилец он... разве не видишь... Один только господь...

До меня не сразу дошел смысл этих страшных слов. Как так, Сашка, всегда веселый, неунывающий, добродушный Сашка, с которым еще три дня назад мы бегали наперегонки, и вдруг — не жилец?

Сашина мать повалилась на лавку и забилась, заголосила неожиданно тонким, раздирающим душу голосом.

— Помолчи! — сурово прикрикнул на нее дед.— Этим не можешь. Помолимся... Бог милостив...

И, подойдя к образам, он тяжело рухнул на колени. Истово перекрестился и, трижды коснувшись лбом пола, что-то забормotal, самозабвенно глядя на икону. Рядом, словно заведенная пружиной, равномерно раскачивалась, кладя поклоны, притихая Сашина мать...

В первый момент я просто испугался. Ведь никогда раньше ничего подобного я не видел, разве что в театре. А теперь это было в жизни, всерьез. Слишком всерьез — из дальнего угла доносились стоны умиравшего Саши...

Меня била дрожь словно в лихорадке. Дед, тот самый дедушка, который в это лето стал для нас величайшим авторитетом, каждое слово которого мы ловили будто откровение, сейчас в тревожном свете лампадки стоял на коленях на полу и, забыв об окружающих, обо всем на свете, молился истово, самозаб-

венно. Его распухшие и ставшие от этого неестественно большими на старческом, морщинистом лице глаза с верой и надеждой впились в почерневшие от времени лики святых...

Все было так неожиданно, необычно, так поражающе дико, что на какое-то мгновение и я... поверил. Поверил, что молитва в самом деле способна помочь, и Саша встанет живой и здоровый и снова будет бегать босоногий по деревенской улице, расплескивая лужи...

Но Саша не встал. К утру он умер... До сих пор не могу этого забыть. И до сих пор мучаю себя запоздалыми упреками. Ведь тогда я учился уже в восьмом классе. Я должен был настаивать, требовать, в конце концов можно было пойти к соседям, попросить лошадь в колхозе.

Не знаю, помог бы врач или нет. Уж очень сильно прихватила Сашу болезнь, а тогда еще не было ни могущественного пенициллина, ни даже стрептоцида. Но все равно врача надо было привезти к больному во что бы то ни стало...

Конечно, я могу найти себе оправдания. Впервые на моих глазах умирал человек. Я нечаянно стал свидетелем дикой, неправдоподобной сцены. Бессвязные вскрики мятущегося в горячечном бреде Саши, коленопреклоненные фигуры на полу, освещенные дрожащим огоньком лампадки, странные для моего слуха слова молитвы... И вдобавок ко всему мне самому в этот момент очень хотелось верить, что есть бог, который может спасти моего друга...

Это — оправдания. А Саши нет и уже никогда не будет. Дорогой, очень дорогой ценой приходится иногда расплачиваться за минутную слабость...

Да, в эти несколько минут я почти верил в бога. И, конечно, главную роль тут сыграл старик, Сашин дед, — человек, которого я уважал и которому привык доверять.

Но есть такая область, в которой безоговорочно доверять нельзя. Даже если человек, о котором идет речь, во всем остальном абсолютно правдив, честен, мудр, даже если он выдающийся ученый.

Эта область — мировоззрение!

Еще В. И. Ленин предупреждал, что никакие достижения ученых в специальных областях еще не являются гарантией научной обоснованности их мировоззрения, их философских взглядов.

Мозг человека — удивительное произведение природы, спо-

собное отражать окружающий мир, этакая маленькая вселенная. Но таких вселенных столько же, сколько и людей, потому что каждый человек неповторим, не похож на всех других. Окружающий мир, мироздание разные люди тоже воспринимают каждый по-своему, по-разному. И об этом никогда нельзя забывать.

Конечно, почти всеобщая религиозность наших предков объяснялась многими причинами. В первую очередь социальным гнетом, бессилием перед природой, незнанием ее законов... И все же я глубоко убежден в том, что далеко не последнюю роль играл пример окружающих. Человек во многом зависит от своей среды, ее взглядов, традиций.

И уж если чему-то удивляться, то не тому, что раньше было много верующих, а скорее тому, что при этих условиях все же могли появляться убежденные атеисты. Ведь им надо было не только переосмыслить общепринятые представления, но и — что, пожалуй, гораздо труднее — преодолеть всеобщую традицию, живое влияние всеобщего и несомненно впечатляющего примера. Порвать со всем этим способен далеко не каждый...

Но все это было... когда-то. Сейчас иные времена. Церковь в нашей стране уже совсем не та: нет у нее силы, размаха, влияния. И далека она от большинства из нас, бесконечно далека. Школа, институт, университет, завод, совхоз... Мы идем по жизни, почти нигде не соприкасаясь с религией. И не гнетет нас массовый пример религиозной веры.

Но даже и один верующий человек при определенных обстоятельствах может «смутить воображение». И не каким-нибудь логическим аргументом, а просто своим личным влиянием, своим человеческим авторитетом.

Вот потому-то на нас и способны произвести впечатление туманные намеки, вроде многозначительного: «А знаете, что-то такое все-таки есть...» Тем более, если это говорят не религиозные агитаторы, а люди, которым во всем остальном вы привыкли вполне доверять.

А если в дополнение ко всему под религиозные рассуждения еще и подводится некая «научная база»...

Не так давно мне довелось поговорить по душам с одним верующим человеком. Он особенно заинтересовал меня, так как имеет некоторое отношение к науке и тем не менее уже много лет верит в бога, и весьма охотно обсуждает религиозную тему. Всякий раз, когда наступает какой-нибудь большой религиоз-

ный праздник, он обязательно приезжает в Москву, чтобы в эти дни побывать в ее храмах.

Откровенно поговорить с этим человеком мне было особенно любопытно, так как наша встреча произошла уже после встречи с Н.

— Да, я верю совершенно искренне, — ничуть не смущаясь, ответил он на мой вопрос. — Хотя и не совсем в того бога, какого рисуют на иконах. — Тут он улыбнулся. — На этот счет у меня собственная теория. Я верю, если можно так выразиться, в «материального» бога. В некое особое свойство материи...

— Но тогда непонятно, почему вы ходите в церковь? — удивился я. — В церковь, где возносят молитвы не вашему «материальному» богу?

Мой собеседник снова улыбнулся, на этот раз несколько натянуто:

— Меня, видите ли, интересует не адрес, по которому направляются молитвы, а только то, что я сам испытываю во время церковной службы. А испытываю я величайшее наслаждение... можно сказать, ни с чем не сравнимые эмоции.

— Как это понять: ни с чем не сравнимые?

Он пожал плечами:

— Объяснить невозможно — надо испытать самому.

— Как-то все непоследовательно у вас получается, — заметил я. — Говорите, бог — нечто материальное, а ходите все-таки молиться в церковь, да еще испытываете при этом какие-то потрясающие эмоции...

— Наоборот, все логично. Существует «нечто», некая среда. Она обладает способностью воздействовать на человека, на человеческую психику. Но только при определенных условиях. А религия чисто случайно нашла способ приводить человека как раз в такое состояние, когда он может вступить в контакт с этой средой.

— Хорошо, — сказал я, — допустим. Ну, а если когда-нибудь будет найден другой способ общения с этой вашей фантастической средой? Скажем, с помощью таблеток. Тогда бы вы перестали ходить в церковь?

— Согласен на таблетки, — быстро произнес мой собеседник. Однако тут же, спохватившись, добавил: — Но пока их нет, следует сохранить старый способ.

Потом он помолчал минуту, другую и сказал:

— Но если таблетки появятся, старые обряды все равно следует сохранить...

Вот вам и «материальный» бог, ультрасовременная религиозная теория...

Одни слова. А на поверку все то же самое — церковь, молитвы, нелепые обряды.

Так что даже к подобным, якобы современным, высказываниям в пользу религии следует относиться в высшей степени критически. И всегда стараться понять, что скрывается за ними в действительности.

ПО ТУ СТОРОНУ РАЗУМА

Соблазнительно тешить себя мыслью: «Я все знаю, все понимаю, все могу объяснить; всегда понимал, даже предвидел...». Но ведь каждый в глубине души знает, что это не так. Каждому в жизни приходилось в чем-то ошибаться, сомневаться, делать неверные выводы. Иногда ошибка или недоумение выясняется довольно быстро — в этом, например, помогут товарищи. Но бывает и так, что обнаружить просчет или до конца разрешить сомнение удастся лишь спустя много лет.

Пожалуй, впервые в жизни я смутно ощутил, что может существовать «что-то такое», еще в раннем детстве, когда мне не было и пяти лет.

Мы жили тогда в Ростове-на-Дону, в старом одноэтажном доме с узкими окнами и очень высокими потолками. И вот как-то раз в самой большой комнате, которая служила одновременно столовой, гостиной и детской, протек потолок. Не знаю, что уж там произошло, скорее всего прохудилась крыша, но в дальнем углу расплзлось мрачноватое влажное пятно. По вечерам большой матерчатый абажур, висевший посреди комнаты, отбрасывал туда слабые красноватые блики, и это придавало пятну зловещий вид.

Возникнув, пятно зажило своей особой жизнью: оно то подсыхало и бледнело и начинало шелушиться потемневшей побелкой, словно кожа, обгоревшая на солнце, то вновь наливалось сыростью, темнело и угрожающе росло, протягивая в разные стороны свои бесформенные щупальца.

Пятно произвело на меня очень сильное впечатление. В его грязноватых разводах, в непонятной его «жизни» мне смутно

чудилось что-то мрачно-таинственное, что-то очень злое и неодолимое. По вечерам я плакал и долго не мог заснуть, а ночью пятно снилось в виде огромного спрута, который хочет опутать меня, и я с криком просыпался, просил зажечь свет и повторял слова, которые почему-то запомнились на всю жизнь: «Беспокоюсь, что протекает...»

Потом в доме починили крышу, потолок побелили, и пятно исчезло. Но в моем сознании оно осталось надолго олицетворением чего-то непонятного и таинственного. Чего-то такого, что не поддается разумному объяснению и в то же время нависает неясной, тревожной угрозой...

Это как беспричинный смех. Бывают случаи, когда даже самому себе не можешь объяснить, почему смеешься. Казалось бы, ничего смешного, никаких разумных причин для веселости нет, но тебя почему-то разбирает неудержимый смех...

Нечто очень похожее наблюдается и в отношении человека к таинственному, ко всему, что может быть принято за проявление сверхъестественных сил. Бывают ситуации, которые можно осмысливать, что-то взвешивать, сопоставлять, приводить «за» и «против».

Но нередко мистическое представление о тех или иных событиях, я бы, пожалуй, даже сказал «мистическое ощущение», возникает подобно беспричинному смеху, казалось бы, вне всякой логики, без всяких видимых оснований.

Должно быть, нечто подобное не раз испытывает в своей жизни каждый. Так было и со мной тогда в детстве...

В другой раз я испытал нечто подобное, только гораздо сильнее, много лет спустя.

Началась война, и мы, московские комсомольцы, выехали на строительство оборонительных рубежей в район Смоленска. Фронт подходил все ближе, и работы шли круглые сутки. Наступила и наша очередь выходить в ночную смену.

Стоял конец июля, и часам к одиннадцати сделалось совсем темно. Небо было чистое, звездное, но яркие точки там, вверху, только подчеркивали мрак вокруг нас — на Земле.

Было тихо и душно. Невдалеке неподвижной тяжелой массой чернел лес. На дне громадного рва, на откосах бесшумно двигались бесчисленные фигуры людей с лопатами в руках. На фоне неба они казались плоскими силуэтами. Тревожно шуршала осыпающаяся по откосам земля...

Где-то впереди, метрах в ста, угадывалось какое-то движение: это устраивались на новых позициях, прикрывая подступы

пы к Москве, только что прибывшие войска второго эшелона...

Вдруг далеко на западе возник отчетливый сверлящий звук. Трудно было понять, откуда он идет — снизу или сверху. И мы, еще не догадываясь, что это, то и дело прекращали работу и с тревогой вслушивались в темноту. Потом звук словно оторвался от земли и завис где-то над головой, и все сразу поняли, что это фашистские самолеты идут на Москву.

На мгновение в противотанковом рву все замерло. Люди перестали копать и напряженно, до боли в глазах вглядывались в черноту неба, словно это было так важно — разглядеть летящие на восток бомбардировщики.

Зловещий рокот замер в отдалении, но мы долго еще не могли прийти в себя. Наш рабочий отряд целиком состоял из москвичей, и мы думали только об одном: как там сейчас Москва? Нервы были напряжены до предела...

И вот в западной стороне неба вспыхнул огонь. Ракета — не ракета, странный белый светящийся шар повис над горизонтом и, беспорядочно мерцая, рассыпал во все стороны яркие искры. Ничего подобного я никогда не видел.

— Сигнал... — тревожно сказал кто-то.

Не знаю, что в этот момент испытали другие, но я ощутил, как по спине поползли холодные колющие мурашки. Что означает этот странный свет, я не знал: какая-нибудь шальная ракета, а может, и в самом деле сигнал, наш или вражеский? В данном случае это не имело значения. Потому что страх, сжавший мне горло, был не обычным, «конкретным», обоснованным страхом, когда боишься чего-то определенного, а смутной, беспричинной жутью, которую трудно осмыслить. Может быть, я боялся фашистов, боялся, что они могут прорваться и отрезать нас от Москвы? Нет, не то... Во-первых, я почему-то был уверен, что именно на этих оборонительных рубежах фашистские части наконец застрянут, а во-вторых, ни секунды не сомневался, что, если опасность все же возникнет, нас своевременно эвакуируют. За Москву, к которой полетели фашистские самолеты, я тоже не боялся: верил, что им не дадут прорваться. И прифронтовая темнота меня не пугала тоже... Что же тогда?

Причиной моего страха было нечто такое, что мне, в общем-то, само по себе и не угрожало: безобидный световой сигнал.

Вдруг я ощутил себя маленьким, беспомощным, отданным во власть каких-то слепых сил... Хотя что это за силы и какое

отношение они имеют к загадочному сигналу, я абсолютно не представлял.

Но скорее всего, именно неопределенность смысла, вложенного в слово «сигнал», сочетание зловещего гудения невидимых самолетов, летящих на Москву, с напряженностью прифронтовой ночи и сыграли решающую роль в моем восприятии происходящего, переводя «стрелку» сознания на мистические рельсы...

И был в моей жизни еще один случай, он тоже связан с войной, когда я ощутил этаким «мистический трепет». Произошло это двумя годами позже, когда я вместе со своей артиллерийской частью впервые оказался в непосредственной близости от фронта.

Как-то в конце дня мы вместе с приятелем, тоже молодым офицером, отправились прогуляться к окраине села, где расположилась наша часть.

Село было на возвышенности, и от крайних изб местность просматривалась довольно далеко. Километрах в двух-трех начинался лес. Где-то там, за деревьями, то и дело взлетали и лениво таяли в вечернем небе сизые дымки — линия фронта, — но в нашей стороне было тихо: вражеские снаряды летели значительно левее. По дороге, выходящей из леса, группками тянулись люди, обвязанные бинтами, — легко раненные.

Вечерело... Наступало то особенное предсмертное время дня, когда природа ненадолго как бы замирает, исчезают тени и предметы кажутся безмятежно парящими в густеющем воздухе. Но сегодня безмятежности не было. Напротив, казалось, все вокруг наэлектризовано каким-то предгрозовым ожиданием.

— Тише, — вдруг тревожно произнес мой спутник, схватив меня за руки. — Слышишь?

Я прислушался. В самом деле, в воздухе повис какой-то странный гудящий звук, как будто кто-то непрерывно дергал огромную басовую струну. Звук шел словно ниоткуда, он просто существовал, сливаясь со всем окружающим, и поэтому мы не сразу обратили на него внимание.

Сделалось как-то не по себе. И снова, как тогда, под Смоленском, побежали мурашки по спине и даже остро закололо в пояснице. Мы с тревожным недоумением поглядели друг на друга... И даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня неприятно холодеет затылок.

— Провода... — догадался наконец мой приятель.

Да, это всего лишь гудели под ветром обыкновенные телеграфные провода. Но прежде никогда я не слышал этого звука. А может быть, просто не замечал.

Сгущающийся сумрак прифронтовой ночи, далекие сполохи орудий, протяжный визг мин, сухой зловеший треск разрывов — к такой обстановке мы уже успели привыкнуть и воспринимали ее как нечто само собой разумеющееся, уж во всяком случае вполне реалистическое. Но когда над всем этим повисло заунывно-тоскливое равномерное гудение, невольно возникло ощущение чего-то потустороннего, таинственно-грозного, стоящего над судьбами людей.

А война есть война, фронт есть фронт — пришлось побывать во всяких передрягах. Пережил я и бомбежки, и обстрелы, и вражеские танковые атаки, и ранение, и гибель друзей. Случалось испытывать и страх, и растерянность, и горе, и разочарование — всякое бывало. И все же ни разу больше я не ощутил гнетущего мистического страха, как в ту тревожную июльскую ночь сорок первого года и в тот памятный прифронтовой вечер.

Конечно, определенную роль сыграло то, что сам я потом стал старше, опытнее, так сказать, закалился в боях. Но не главную роль!

Главным было другое.

И тогда, под Смоленском, и позже, на окраине прифронтового села, я очень остро ощутил свое бессилие перед лицом происходящего. Шла суровая, жестокая война. Моя жизнь, как и всех советских людей, вдруг резко изменилась, я не знал, что будет со мной и с близкими мне людьми. Я, совсем еще молодой человек, по существу, мальчишка, оказался в водовороте грозных событий, дальнейшего развития которых отчетливо не представлял и в которых бессилён был что-либо изменить. Видимо, не зря считается, что одной из главных причин, породивших религиозные представления у наших далеких предков, было как раз бессилие — бессилие перед всемогущей природой. А бессилие всегда так или иначе связано с незнанием причин происходящего...

И вот тут-то сознание или, вернее, какой-то древний, доставшийся нам от первобытных времен инстинкт играет с нами злую шутку. Вместо «не знаю» он подставляет «нет» — нет естественных причин. И тут же услужливо нашептывает: есть, есть причины, но причины особого порядка — сверхъестественные...

Конечно, может и так случиться, что причины-то мы знаем, но все равно бессильны что-либо изменить. Но все-таки это уже совсем другая, что ли, степень бессилия. Полпути к тому, чтобы не только понять, но и изменить. То есть что значит — изменить? Научиться управлять происходящим. Мало понять то или иное явление, надо научиться управлять им, и тогда «вещь в себе» превращается в «вещь для нас».

Об этом говорил и В. И. Ленин.

Молния казалась людям таинственной. Но человек воспроизвел в лаборатории такие же условия, как во время грозы, и научился создавать искусственный электрический разряд. С этого момента молния перестала внушать человеку мистический страх.

Ну, а практически? Как побороть мистические ощущения в себе, если они возникнут?

Судя по собственному опыту, тут есть два пути. Прежде всего нужно разобраться в сплетении происходящих событий, понять их связь, их необходимость и свое место в этой цепи.

Не случайно философы говорят, что свобода — это и есть познанная необходимость, сознательная целенаправленная деятельность, которая опирается на знание объективных законов природы и общества.

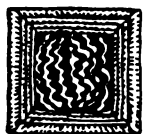
Еще лучше, если вам удастся, разумеется, там, где это возможно, подчинить события своей воле.

Что-то похожее произошло и со мной в военные годы.

Из зеленого юнца, вчерашнего школьника, впервые оказавшегося в прифронтовой полосе, я стал офицером, прошел суровую школу войны, закалился, многое повидал, научился разбираться в окружающей обстановке. И главное, понял, что судьба войны зависит и от меня самого, от каждого из нас. С тех пор мистические страхи, вызванные ощущением собственного бессилия перед лицом происходящих событий, больше меня не смущали.

Они не тревожили меня и тогда, когда война окончилась и я стал студентом, а затем и начал самостоятельно работать.

Видимо, в таких случаях действует своеобразный психологический закон. Достаточно преодолеть страх хотя бы один раз. Один раз разобраться, понять и преодолеть... И появится что-то вроде иммунитета.

Как-то мне пришлось выступать перед учениками одной городской школы. Речь шла о всевозможных суевериях и о том, как они мешают человеку. Закончив свое выступление, я обратился к ребятам с вопросом, не было ли в их жизни каких-нибудь таинственных, непонятных происшествий, причины которых так и остались неразгаданными. Ребята задумались. Потом с места поднялся один мальчик и сказал:

— Мы жили на даче. Однажды вечером мама послала меня за водой. Иду по тропинке к колодцу и вдруг слышу: кто-то идет за мной, слышу шаги. Оглянулся — никого... Иду дальше — снова шаги. И опять никого нет...

Он замолчал.

— Что же было дальше? — спросил я.

Парнишка пожал плечами и неожиданно закончил:

— С тех пор, как только останусь один, слышу шаги...

— Ерунда! — выкрикнул кто-то под общий дружный смех...

Это, конечно, не аргумент. Но в общем-то ребята были совершенно правы: ничего мистического в истории, рассказанной мальчиком, разумеется, не было. Сейчас трудно сказать, чьи шаги он слышал, когда шел к колодцу. Может быть, даже свои собственные, может, кто-то и в самом деле шел сзади, а возможно, всего лишь ветер шелестел в лесу. Но эти шаги произвели на мальчика столь сильное впечатление, что потом его стали преследовать слуховые галлюцинации: он слышал звуки, которых на самом деле не было. С подобным явлением встречаются, например, космонавты во время тренировок в сурдокамерах, когда им приходится проводить в одиночестве в изолированном помещении несколько дней подряд.

Один знакомый журналист, которому пришлось самому познакомиться с тренировками будущих космонавтов, рассказывал, что на третьи сутки пребывания в сурдокамере он отчетливо «прослушал» от начала до конца Пятую симфонию Бетховена.

Ребята были убеждены в том, что ничего сверхъестественного не бывает. Но вряд ли кто-нибудь из них мог дать убедительное объяснение случившемуся.

Если убежденность основана лишь на одной уверенности в

том, что вы правы, если вы не умеете как следует ее обосновать — не для других даже, а для самого себя, — то такая убежденность, по существу, мало чем отличается от веры религиозных людей. Только они верят в то, что бог есть, а вы в то, что его нет. Слепая уверенность — ненадежная союзница. Она легко может подвести при встрече с непонятным...

Мне часто вспоминается история, рассказанная одним пожилым человеком. Это произошло еще в царское время.

В небольшом провинциальном городке расположилась воинская часть. Развлечений не было никаких, и длинные зимние вечера офицеры коротали за бесконечными выпивками и картежной игрой. Лишь изредка это унылое однообразие нарушалось какими-либо из ряда вон выходящими происшествиями: в большинстве случаев бессмысленными ссорами из-за сущих пустяков.

Однажды за бутылкой вина, далеко не единственной в тот вечер, зашел разговор о храбрости. Одни утверждали, что истинная храбрость проявляется лишь на поле боя, другие доказывали, что храбрость — понятие вовсе бессмысленное, потому что человек умный должен поступать в опасных положениях не под влиянием чувств, а по велению рассудка. Кто-то заметил, что абсолютно смелых людей вообще не существует, что каждый, даже самый отважный человек, при определенных обстоятельствах может испытать страх.

Один из офицеров, назовем его Полонский¹, довольно резко возразил, что репутации храброго человека заслуживает только тот, кто храбр везде и всегда, при любых обстоятельствах. И добавил, что лично его ничто на свете испугать не может.

— Даже что-либо потустороннее? — поинтересовался кто-то.

— В чертовщину не верю, — презрительно рассмеялся Полонский.

Слово за слово, разгорелся спор. В конце концов Полонский возбужденно вскочил с места и, хватив кулаком по столу, во всеуслышание заявил, что готов «ударить по рукам» и доказать свою храбрость и презрение к опасности, откуда бы она ни исходила — от человека или «потустороннего мира».

Пари тут же было заключено на довольно крупную сумму, назначен срок в три месяца.

Разговор перешел на другую тему...

Потекли дни, ничего особенного не происходило. Казалось,

¹ Здесь и в дальнейшем имена и фамилии действующих лиц изменены.

о споре все забыли. Но однажды, когда до срока оставалось всего несколько дней, около полуночи Полонский услышал за дверью на лестнице чьи-то шаги. Он моментально вскочил с постели, зажег свечу и взял в руку пистолет, который в последнее время держал по ночам под подушкой. Закончив эти приготовления, он вышел на середину комнаты и спокойно стал ждать.

Шаги приблизились, дверь начала тихонько приоткрываться. Полонский замер в удивлении и крепче сжал пистолет: ведь час назад он сам изнутри запер дверь на ключ. В комнату медленно, словно неживые, вошли четверо, с ног до головы одетые в черное, в черных масках. На плечах они несли большой черный гроб. Ни слова не говоря, «черные» проследовали к столу, бережно поставили на него свою зловещую ношу и сняли крышку. Гроб был пуст. Тот, кто вошел первым, повернулся к Полонскому и сделал жест рукой, как бы приглашая его занять место в гробу.

— Чепуха! — захохотал Полонский. — И таким образом вы надеялись испугать меня? Дешевый спектакль!..

Но таинственные фигуры в черном не обратили на его слова никакого внимания.

— Молчите? — рассердился Полонский. — Хорошо же, я буду стрелять.

Но и эта угроза не возымела никакого действия.

— Считаю до трех! — Голос Полонского вдруг сорвался на крик.

В ночной тишине один за другим прогремели выстрелы. Полонский в упор стрелял в таинственных посетителей. Но они, словно заколдованные, продолжали стоять возле гроба.

Пистолет выпал из рук Полонского. А сам он стал медленно оседать на пол. Нервы и сердце не выдержали.

Только тогда черные фигуры, сорвав маски с лиц, бросились спасать умирающего. Но было поздно...

Так чудовищно трагически закончилась эта нелепая шутка. Да, это был только розыгрыш, все имело вполне земные причины. Офицеры заранее подобрали ключ к двери, а в тот вечер, когда разыгрался спектакль, потихоньку перезарядили пистолет Полонского холостыми патронами...

Вот ведь как случилось: уверенный в себе, по всей вероятности, отважный человек, и вдруг... вдруг стал жертвой мистического страха. Но если задуматься...

Что представляла собой столь безоговорочная убежденность Полонского в отсутствии сверхъестественного? Судя по всему,

это была слепая уперенность, точнее — вера. Просто вера без какого-либо научного фундамента, не подкрепленная знанием. И не удивительно, что в один прекрасный момент эта вера обернулась своей противоположностью...

Можно себе представить, что должен был почувствовать лихой офицер, когда выстрелы в упор из его безотказного, сотни раз проверенного пистолета не произвели на таинственных полудночных пришельцев никакого впечатления. Если бы атеистические убеждения Полонского были не просто верой, а хорошо обоснованной системой взглядов на мир, в принципе исключающих возможность каких бы то ни было чудес, ему было бы достаточно мгновения, чтобы сообразить: коль скоро пули, выпущенные в человека с такого расстояния, когда промах невозможен, не причиняют ему абсолютно никакого вреда, значит, никаких пуль нет. Значит, мистификация...

Конечно, легко рассуждать, сидя за письменным столом перед листком бумаги. Попад в такую ситуацию, в какой оказался Полонский, всякий растерялся бы. Но в том-то все и дело, что Полонский, судя по всему, был хладнокровным, бесстрашным человеком с железными нервами. Уж он-то должен был рассудить трезво...

Однако атеизм Полонского оказался недостаточно прочным: небольшой толчок — и все рухнуло.

Гусарская лихость самоуверенного офицера рассыпалась в прах, столкнувшись с неожиданным и непонятным.

Чтобы успешно противостоять таинственному, слепой веры в отсутствие «чертовщины» мало — необходимо знание. В противном случае встреча с непонятным может завести далеко...

СОВПАДЕНИЯ! ИЛИ...

Разве в вашей жизни не встречалось ничего загадочного, ничего таинственного, не поддающегося обычным объяснениям?..

Помните этот аргумент религиозного человека из предполагаемой беседы с Н.?

А ведь и в самом деле некоторых людей привели в религию всякого рода таинственные совпадения. Я знаю несколько подобных случаев. Например, недавно мне рассказали историю

одного верующего. Во время войны он служил на флоте, плавал на торпедном катере.

Как-то во время очередного боя катер был подбит и затонул. Моряк очутился в воде, один, в открытом море, далеко от родного берега. Несколько часов он упрямо сражался за жизнь, но потом силы стали уходить. Приближалась ночь, надеяться было не на что. Моряк еще боролся, но в глубине души смирился с неизбежным. Ускользающими обрывками в сознании вставало прошлое. И вдруг он вспомнил, что мать в тяжелые минуты всегда молилась Николаю-угоднику. «Попробовать?» — мелькнула мысль. Хуже не будет. А вдруг... И он стал повторять про себя слова молитвы, запавшие в память с детства. И чудо — туман вдруг расступился, из него вынырнуло какое-то судно. Это был советский катер...

С тех пор тот моряк верит в бога.

Да, вот с таких поражающих воображение совпадений нередко и берет начало религиозная вера.

Один, подобно тому моряку, поверил, что его чудесным образом спасла от неминуемой смерти вовремя прочитанная молитва, другой увидел в необычной жизненной ситуации прямой пакек на существование сверхъестественных сил, третий... Истории могут быть разные, но суть одна: случайному совпадению придается какое-то особое, мистическое значение, таинственный смысл.

Но могут ли и в самом деле совпадения — пусть самые странные, загадочные, удивительные — служить свидетельством существования сверхъестественного?

Были поразительные совпадения и в моей жизни...

Однажды четвертый класс «А», в котором я учился, поголовно не приготовил урок, и классная руководительница, рассердившись, выставила всем без исключения неудовлетворительные отметки.

После занятий мы задержались в классе и принялись бурно обсуждать случившееся. Мы упрекали старосту, упрекали друг друга. Но неожиданно кто-то из ребят громко сказал:

— Да бросьте искать виновных... Дело-то совсем в другом. Вот смотрите!..

С этими словами он извлек из кармана металлический померок от школьной раздевалки и бросил его на учительский стол.

Все смолкли. Девочка, сидевшая ближе всех, взяла померок и громко прочитала:

— Триста тридцать три!.. Ну и что?

— А то!.. Половина «звериного» числа, вот что!

О таинственном числе 666 многие из нас никогда не слышали. Поэтому загадочное сообщение нашего товарища произвело впечатление. Не то чтобы мы так уж поверили в роковое влияние таинственного числа, но в глубине души каждый испытывал какое-то гнетущее ощущение. Особенно неприятно действовало зловещее слово «звериное». Притихшие, мы разошлись по домам...

Прошло с полмесяца. История с половиной «звериного» числа стала уже постепенно забываться, как вдруг случилось новое происшествие. Кто-то из ребят принес с собой волейбольный мяч. На большой перемене его надули и прямо в классе, став в кружок, начали пасовать друг другу. Сначала осторожно, но постепенно разыгрались. Кто-то лихо «погасил», мяч ударился о парту, подскочил и угодил прямо в абажур. Посыпались осколки... Мы замерли в испуге: за такое здорово попадет.

— Я говорила, не надо играть в классе,— захныкала дежурная.

— Не везет нам что-то в последнее время,— мрачно произнес староста.— А все после того «звериного» числа.

— Пойдите, пойдите! — вдруг вскрикнула дежурная. Она метнулась к парте и торопливо достала из портфеля гардеробный номерок.— Ну вот,— пролепетала она упавшим голосом,— так и есть: триста тридцать три...

— Что же ты раньше не сказала?! — дружно набросились на нее ребята.— Знали, ни за что не стали бы играть.

Это второе совпадение заставило нас призадуматься. А что, если и в самом деле проклятое число способно приносить всяческие беды? Поверить в это было нелегко, и все же каждый из нас, сдавая утром пальто в школьную раздевалку, с тревогой поглядывал на свой номерок.

Прошло еще около двух месяцев. И вот как-то утром перед началом первого урока в класс стремительно вбежала одна из девочек и чуть ли не с порога взволнованно закричала:

— О, ребята! «Он» — у меня! Что делать-то?

— Зачем же ты, дуруха, его взяла? — накинулся на нее кто-то из ребят.

— Да там темно было и много народу,— оправдывалась девочка.

— Надо было вернуть... Иди отдай, пока не поздно!..

— Бесполезно это,— вдруг объявил пророческим голосом

тот самый паренек, который когда-то обратил наше внимание на злосчастное число.— Теперь возвращай не возвращай — все одно. Нам оно выпало!.. Значит, быть беде...

— Да брось ты каркать,— разозлился кто-то.

— А вот увидишь...

Весь день мы провели в напряженном ожидании чего-то, что должно было обязательно случиться. И случилось!..

Подошла к концу последняя перемена. Прозвенел звонок. В класс вошла учительница. Все ребята были уже на местах, и только та девочка, которой достался роковой номерок, где-то задержалась.

Учительница уже взялась за журнал, как вдруг дверь резко, со стуком отворилась и опоздавшая, тяжело дыша от быстрого бега, стрелой влетела в класс. И в ту же секунду стоявший возле двери огромный старинный застекленный шкаф, доверху набитый всякими чучелами и макетами, с невероятным грохотом плашмя рухнул на пол. Рухнул на то самое место, по которому только что пробежала девочка...

После такого происшествия было уже не до занятий, и нас отпустили по домам. Подавленные случившимся, мы молча спустились по лестнице в раздевалку.

— Ну вот что,— твердо произнес наш староста, весьма репительный мальчик,— надо с этим кончать. А ну давай-ка сюда свой номер...

Девочка, все еще бледная от пережитого волнения, послушно протянула жестяной кружочек. Староста молча повертел его в руках и вдруг, размахнувшись, изо всех сил выбросил в окно.

Так из нашей школьной раздевалки исчез злополучный триста тридцать третий номер.

Что же это все-таки было? Случайное совпадение? Совпадение, пусть даже самое невероятное, если оно произошло дважды, еще можно объяснить чистой случайностью. Ну, а три совпадения подряд? В то время мы еще слишком мало знали, чтобы ответить на такой вопрос. Три совпадения подряд казались нам чем-то слишком многозначительным, чтобы их вообще можно было объяснить обычными способами. А рассказать эту историю кому-нибудь из взрослых мы просто стеснялись...

Да, тогда ни я, ни мои сверстники так и не смогли разобраться в случившемся. Довольно простая мысль о том, что «роковой» номерок вполне мог попадать в наш класс и в другие дни — но никто на это просто не обращал внимания, так как ничего не случилось,— нам как-то не приходила в голову. Не по-

думали мы и о том, что злополучный номер ежедневно доставался кому-нибудь, однако чрезвычайные происшествия, подобные катастрофе со шкафом или хотя бы поголовно невыученному уроку, тем не менее в школе были большой редкостью.

Впрочем, в конце концов мы бы до этого, вероятно, все-таки додумались, если бы... Мешало одно обстоятельство... Где-то в глубине души нам самим не очень-то хотелось, чтобы такая из ряда вон выходящая загадочная история вдруг оказалась чем-то обычным, до обидного заурядным. Таинственное влекло, и было жаль с ним расстаться...

Но спустя несколько лет привлекательная сторона случившегося безвозвратно потускнела. И когда я почему-либо возвращался мыслями к истории со «звериным» числом, мне становилось как-то не по себе. Похожие ощущения испытываешь, если начинаешь вспоминать о каком-то случае, когда тебе удалось избежать серьезной опасности.

И должен признаться, что я избрал далеко не лучший выход. Старался просто не вспоминать. Ни об этой далекой школьной истории, ни о тех еще более впечатляющих, свидетелем которых мне довелось стать в годы войны.

Не вспоминать! Не задумываться!

Ненадежная защита! Она спасает — спасает от сомнений, от пенуных мыслей, но, увы, лишь до поры до времени.

Придет момент, и непонятное станет поперек пути и властно потребует ответа...

Школьная история с «роковым» номером довольно долго оставалась для меня загадкой. Пока жизнь не преподнесла еще несколько подобных же поучительных сюрпризов.

ОТВЕТЫ ДАЕТ ЖИЗНЬ

Шло лето 1943 года. Великая Отечественная война... Я, молодой артиллерийский лейтенант, только что закончивший училище, вместе со своим полком прибыл в район Орловско-Курской дуги. Наступавшие немецко-фашистские войска уже были остановлены, и наше командование сосредоточивало силы для решающего ответного удара.

Мы выгрузились из эшелона где-то между Старым и Новым Осколом и двинулись своим ходом по иссушенным летним солнцем пыльным полевым дорогам.

К вечеру добрались до села, название которого, Большие Подъяруги, мне почему-то хорошо запомнилось. Здесь нам предстояло ждать дальнейших распоряжений. Машины, орудия, люди быстро рассредоточились по деревне и укрылись под деревьями, готовые в любой момент сняться с места.

Взвод боепитания, командиром которого я был, вместе со штабом полка расположился во дворе большой, почерневшей от времени избы, покинутой своими хозяевами... Фронт был совсем близко. Где-то постреливали вражеские минометы, и над головами то и дело с угрожающим визгом пролетали немецкие мины. Тут и там возникали серо-черные земляные фонтанчики, и по барабанным перепонкам ударял сухой раскатистый треск очередного разрыва.

Большинство из нас на фронте, тем более под обстрелом, оказались впервые. Нервы напряглись, с непривычки было не по себе...

Особенно заметно переживал каждый выстрел начфин нашего полка, лишь недавно прибывший с «гражданки», маленький, сухощавый человечек лет пятидесяти, со сморщенным, словно раз навсегда испуганным лицом. Заслышав визг очередной мины, он низко приседал и оставался в таком положении, пока не смолкало эхо разрыва.

Но война — войною, а жизнь — жизнью. Часы показывали уже около одиннадцати, и пора было устраиваться на ночлег.

Во дворе, где мы расположились, от недавних боев осталось множество ровиков и щелей, словно специально предназначенных для того, чтобы провести в них ночь под обстрелом. Мы с приятелем, командиром взвода управления, стали приспособлять для себя один из них, а начфин облюбовал ровик поглубже, метрах в десяти.

Он долго ходил вокруг него, словно приглядываясь, а затем неуверенно спросил у стоявшего рядом начальника штаба:

— Может, лучше просто на траве? А то еще попадет прямо в щель — костей не соберешь.

— Практически исключено, — улыбнулся начштаба, старый, опытный артиллерист. — Теория вероятностей, знаете ли... Статистика!

— Статистика? Со статистикой я уже имел дело... — мрачно пробормотал начфин. — Ну что ж, понадемся на статистику...

— Уж будьте уверены, — продолжал успокаивать его начштаба. — Сейчас немцы ведут обстрел не по целям, а по площади. На том квадратном километре, где мы находимся, окопчиков штук тридцать — сорок. Это в общей сложности метров пятьдесят квадратных, не больше. Вот и поделите миллион квадратных метров на пятьдесят. Получается двадцать тысяч, верно? Одна двадцатитысячная! Вот вам и вероятность прямого попадания в один из окопчиков. А вероятность попадания именно в ваш окопчик и того меньше. Всего их сорок: значит, надо помножить одну двадцатитысячную на одну сороковую. Получается одна восьмисоттысячная... Понимаете, что это значит? Для того чтобы попасть в этот окопчик, немцы должны выпустить по нашему квадратному километру восемьсот тысяч снарядов. Почти миллион. Да знаете, сколько на это понадобится времени?

— Знаю, знаю, — все так же мрачно произнес начфин. — Читал что-то в этом роде у Перельмана...

И, продолжая бурчать себе под нос, он наклонился над щелью и стал раскладывать на дне плащ-палатку.

Совсем стемнело. Вокруг все затихло, только слышно было, как время от времени вполголоса переговариваются часовые. Я было уже задремал, как вдруг неподалеку с оглушительным треском разорвалась крупная мина. Над головой пронзительно просвистели осколки... И снова тишина...

Я выглянул из щели и в свете вынырнувшей из-за туч луны увидел, что начфин тоже приподнялся над своим ровиком и напряженно озирается по сторонам. За деревьями снова возник сверлящий ноющий звук. Он угрожающе стремительно нарастал, ввинчиваясь в воздух, достиг визгливой душераздирающей ноты и вдруг стал резко понижаться, словно загустел: мина пролетела над нами. Я невольно проводил глазами ее невидимый полет.

Случайно я взглянул в сторону начфина. Он все еще высовывался из ровика, продолжая вглядываться в ту сторону, откуда прилетали мины. И вдруг я увидел, что он несколько раз подряд истово перекрестился. Это было так неожиданно, так дико, так не вязалось со всей окружающей обстановкой, что я невольно вздрогнул...

Конечно, и мне, впервые попавшему на фронт, под обстрел, было — что тут греха таить! — страшно. Хотелось зарыться куда-нибудь поглубже в землю, скорее заснуть, чтобы не слышать душераздирающего визга проклятых мин, и вообще как можно скорее покинуть это неуютное место. При каждом очере-

ном таком визге неприятно сосало под ложечкой, хотя я хорошо знал, что звук, возникающий при полете мины, можно услышать только тогда, когда она уже пролетела над головой.

Мне было тогда всего девятнадцать. И среди людей, с которыми я общался в последние годы, не было ни одного, кто даже в трудную минуту жизни стал бы креститься. И когда я увидел, как это с полной серьезностью сделал наш начфин, мне стало как-то не по себе.

Но разобраться до конца в своих ощущениях я так и не успел, потому что в той стороне, где находился начфин, что-то тяжело плюхнулось. Я автоматическим нырнул в щель, но сейчас же выглянул снова. Начфин исчез... Я огляделся и увидел, что он, прикрыв руками голову, плашмя лежит на земле, метрах в двадцати от своего укрытия.

Я выскочил из ровика, подбежал к нему и потряс за плечо. Он вздрогнул и приподнял голову.

— Что случилось?

— Мина...— И, уже не стесняясь, перекрестился открыто:— Бог спас...

Оказалось, что одна из мин точно угодила как раз в тот ровик, где расположился начфин. Но не разорвалась. Счастливая случайность спасла нашего товарища от неминуемой смерти. Выскочить бы он не успел: мины разрываются мгновенно, едва коснувшись земли...

Все столпились вокруг ровика, в котором несколько минут назад укрывался начфин, и, на время позабыв о возможности нового обстрела, с интересом поглядывали на неразорвавшуюся мину.

— Вот вам и теория вероятностей,— сказал кто-то.

Завернувшись в плащ-палатку на дне своей щели, я долго не мог уснуть. Снова и снова размышлял над случившимся. На моих глазах произошла целая серия поразительных совпадений. Человек боялся прямого попадания. И вот, вопреки всем расчетам, это попадание происходит. Но мина не разрывается. Именно «эта» мина. Какова вероятность подобного события? Одна миллиардная? Одна стомиллиардная? Практически — нуль. И тем не менее оно произошло. Да еще как раз после того, как человек перекрестился...

Из ствола фашистского миномета вылетела мина. Пролетела по воздуху. Угодила точно в щель. И не взорвалась...

Вряд ли в наше время найдется хоть один, даже самый религиозный человек, который стал бы всерьез утверждать, что все

это — сплошные чудеса. Мина из ствола миномета вылетела потому, что ее вытолкнули пороховые газы; она снова упала на землю, потому что на мину действовала сила земного притяжения. Была, конечно, и вполне реальная причина отказа взрывного механизма — неисправен взрыватель, отсырел капсюль и т. д. Сверхъестественными могут представляться не каждое из этих событий в отдельности, а разве что их сочетание.

И еще вот о чем я подумал. Ведь от того момента, когда начфин перекрестился, до попадания мины в его окопчик прошло не менее двух минут. Летела же мина самое большее несколько секунд. Значит, в тот момент, когда начфин молился, «его» мина еще не вылетела из ствола миномета. Но если во всей этой истории действительно замешан бог, то его действия нельзя не признать довольно странными. Не проще ли было, вияв молитве начфина, вообще не допускать «рокового» выстрела или хотя бы отклонить летящую мину куда-нибудь в сторону? Или бог устроил столь жестокий спектакль специально для того, чтобы лишний раз напомнить начфину о своем существовании? Но ведь он и без того ему молился, значит, и так в него верил...

Или этот спектакль был предназначен для всех нас — неверующих? Но почему в таком случае главным «козлом отпущения» оказался именно начфин — единственный среди нас религиозный человек? Ведь ему пришлось пережить не слишком-то приятные мгновения. Или таким образом он, что называется, страдал за веру? Но где же тогда хваленая божественная справедливость?..

Именно эти в общем-то довольно простые соображения и сыграли решающую роль. Все стало на свои места. Налет чего-то мистического, потустороннего развеялся.

В жизни нередко бывает так, что из ряда вон выходящие события даже в тех случаях, когда они в чем-то сходны, до поры до времени воспринимаются как бы независимо друг от друга — каждое в отдельности.

Но вот наступает своеобразное прозрение, когда между непонятными явлениями протягиваются ниточки связей. И разрозненное вдруг складывается в согласованную, стройную картину, непонятное становится очевидным. Так произошло и со мной. Словно в ярком луче неожиданно вспыхнувшего прожектора я увидел и другие случаи удивительных совпадений — совпадений, в которых богу и мистике явно не было места...

Мы только что выгрузились из эшелона и двигались к линии фронта. Наша колонна, растянувшись почти на километр, мед-

ленно ползла по старой, с многочисленными выбоинами дороге. Сидя рядом с шофером, я с интересом смотрел по сторонам, приглядываясь к новой для меня напряженной жизни прифронтовой полосы.

За одним из перекрестков я увидел замаскированную в придорожных кустах батарею тяжелых зенитных орудий. Это была «классическая» батарея — мощные дальнобойные орудия, прибор управления зенитным огнем... О таких я читал в популярных книжках еще до войны, о таких нам рассказывали в училище.

Вдрузи в кузове наблюдатель встревоженно застучал в стенку кабины и крикнул:

— Воздух!..

Я распахнул дверцу, высунулся наружу и увидел тройку фашистских самолетов с характерно обрубленными на концах крыльями — пикирующие бомбардировщики «Ю-88» шли на довольно большой высоте, направляясь в глубь нашей территории. Дорога, по которой мы двигались, их почему-то не заинтересовала.

Я взглянул на батарею. Маскировочные сети были сброшены, и стволы орудий грозно поднялись над кустарником. Они медленно двигались, словно следя за вражескими самолетами. Тяжелым ударом прогремел залп. Почти одновременно яростно дернулись четыре ствола, выбросив четыре языка пламени. С угрожающим свистом унеслись в небо снаряды.

Три прямых попадания! Лишь одно облако расплылось несколько в стороне. Головной бомбардировщик сразу взорвался, два других стремительно пошли к земле, оставляя за собой черные дымовые шлейфы.

Наша машина уже довольно далеко отъехала от места происшествия, а мы все еще продолжали восхищенно смотреть туда, где стояла батарея. Мы, артиллеристы, отлично понимали, что значит три прямых попадания с первого залпа по движущимся воздушным целям. Впоследствии я довольно часто был свидетелем воздушных налетов и сражений между зенитниками и вражеской авиацией. Но такой удачной стрельбы мне не удалось наблюдать больше ни разу.

«Разве это совпадение менее удивительно, чем история с гардеробным номерком или с неразорвавшейся миной, угодившей в окоп? — рассуждал я, ворочаясь на дне своего ровика. — Ну допустим на минуту, что бог существует и действительно почему-то он на нашей стороне. Тогда зачем он позволил фаши-

стам вероломно напасть на нашу страну, почему обрек советских людей на столь тяжкие испытания? А уж если он надумал помогать нам только сейчас, то почему не направляет точно в цель каждый наш снаряд?»

На все эти вопросы я находил лишь один-единственный ответ: поразительные совпадения возможны. Просто совпадения, без всякой мистики. Они могут происходить как абсолютно случайное сочетание не зависящих друг от друга событий.

Разве не бывает так: живешь в одном городе со старым знакомым, но в течение нескольких лет ни разу его не встречаешь? А потом случайно сталкиваешься с ним на улице три дня подряд. И никто не считает это за чудо — просто совпадение...

Тогда почему же в таком случае следует считать чудом то, что только что произошло на моих глазах? На войне производится столько выстрелов, столько снарядов попадает в цель и столько не взрывается, что среди этого огромного множества событий возможны самые удивительные стечения обстоятельств.

Тогда всех этих рассуждений мне показалось вполне достаточно, и только несколько лет спустя, учась в университете на физическом факультете — это было на втором курсе, — я, как говорится, в один прекрасный день решил разобраться в историях с удивительными совпадениями всерьез.

Как ни странно, поводом послужил студенческий анекдот о бутерброде, который всегда почему-то норовит упасть маслом вниз.

Как-то, когда разговор коснулся пресловутого бутерброда, наш математик сообщил нам с самым серьезным видом:

— А знаете, ведь это, между прочим, лишь частный случай более общего закона. Из двух равновероятных событий всегда происходит наименее благоприятное. Как говорится, после радостей неприятности — по теории вероятности. Заметив наши растерянные лица, он засмеялся и добавил: — Шучу, конечно... Но вообще-то, у случайностей тоже есть свои законы...

Кое-что об этом я слышал и раньше. Ведь во время войны я был артиллеристом, а как известно, артиллеристам нередко приходится прибегать к теории вероятностей, готовить с ее помощью данные для стрельбы. Впрочем, тогда меня интересовала лишь практическая сторона — на большее просто не хватало времени.

А теперь я сразу вспомнил «звериное» число и все «тому подобное»: а вдруг и в самом деле в этом можно разобраться с помощью математики?

На втором курсе теорию вероятностей мы еще не проходили, и я отправился в библиотеку. Засел за книжки. Но прямого ответа на волновавший меня вопрос никак не мог найти. И уж не знаю, какое по счету руководство я читал, когда в голову мне вдруг пришла удивительно простая и очевидная мысль.

Если вероятность какого-либо события не равна нулю, то оно в принципе может произойти когда угодно — и не будет чудом. Даже если эта вероятность ничтожно мала! Главное — не ноль!

И сразу поразительные совпадения, в том числе и давняя история со злостным номерком, предстали передо мной в совершенно ином свете.

Мог ли попасть в наш класс «роковой» триста тридцать третий номер? Конечно. И даже довольно легко — в нашей небольшой школе, где мы учились в две смены, одновременно раздевалось в гардеробе совсем не так много классов. К тому же все номерки разбирались ежедневно. А чрезвычайные происшествия? Они тоже случались. И каждое из них имело вполне определенную и совершенно естественную причину.

Что же касается совпадений, то их возможность, разумеется, была не так уж велика. Но поскольку каждое из событий имело вполне естественную причину, то и в их совпадении не могло быть ничего мистического...

Лишь одно меня смущало. Я всегда считал, что всякое событие должно иметь свою причину, быть следствием чего-то. А где причина совпадения? Как ее найти?

Ведь совпадение — это как бы пересечение нескольких рядов событий, совершенно независимых друг от друга. Внутри такого ряда все в полном порядке: причины, следствия. Каждое событие имеет свою причину и само служит причиной последующего события.

А у совпадения такой причины, то есть причины в обычном смысле этого слова — прямой, явной причины, нет. И, видимо, поэтому совпадения всегда неожиданны и в большинстве случаев предсказать их невозможно.

Явление без причины? Необычная ситуация!..

Но так как ко второму курсу я уже успел узнать довольно много, получить ответ и на этот вопрос было не так трудно. Все дело в том, что мы-то ведь не всё еще знаем. Вряд ли кто станет отрицать, что нам известны далеко не все законы природы. И очень может быть, что совпадения подчиняются как раз таким закономерностям, которые мы еще не открыли.

На первый взгляд подобное объяснение может показаться чересчур поверхностным, такой отговоркой. Таким оно сперва показалось и мне. Но, хорошенько поразмыслив, я понял, что это далеко не так. Да, возможно, есть в природе такой закон, который управляет случайными совпадениями. И если мы его когда-нибудь откроем, то научимся многое предвидеть и, наоборот, избавимся от многих неприятностей. Ну, а если подобного закона нет? Это будет только означать, что в мире действительно существует случайность. Абсолютная! Но, значит, независящая и от каких-либо сверхъестественных сил. А только это и требовалось доказать!..

Выстроил я все эти рассуждения, даже в тетрадку аккуратно записал. И вроде бы все получалось довольно убедительно, логично — комар носу не подточит. А все-таки полной, освобождающей от всяких «потусторонних» мыслей убежденности, что так оно и есть, не было...

Если бы речь шла лишь о той давней и в общем-то анекдотической истории со «звериным» числом... Но, увы, в моей жизни случались и куда более трагические совпадения. И они не желали укладываться в логические формулы. Нелепое состояние... Разумом-то я понимал, что прав, что объяснение, которое я нашел, верное.

А в глубине сознания что-то не хотело с этим соглашаться. Напентывало всякую чепуху...

И тут я понял, что одной логики мало. Чтобы окончательно победить самого себя, нужно что-то еще.

Что?

И снова решающую роль здесь сыграла еще одна история военных лет, точнее, ее продолжение...

КОРТИК

Шла Отечественная война. Суровое и жестокое время. Но жизнь все равно оставалась жизнью, а молодость — молодостью. Почти все молодые офицеры нашего полка, а нас было большинство, питали слабость ко всякого рода сувенирам. И в свободное время мастера из артиллерийской мастерской то и дело собирали для

кого-то из разноцветных обрезков латуни, жести или плексигласа замысловатые мундштуки, ручки для ножей, портсигары и зажигалки. Что скрывать, грешил этим и я...

Как-то наш артиллерийский мастер, возвращаясь с позиций, заметил рядом с лежащим в лесу убитым немецким офицером кортик. Мастер поднял его и захватил с собой.

Вскоре кортик попался на глаза одному из командиров взводов. Оружие так ему понравилось, что он начал уговаривать мастера уступить кортик. Кортик и в самом деле был хорош. Отличный клинок с чернением из знаменитой золингеновской стали, изящная золоченая ручка, черные вороненые ножны и ремешки превосходной мягкой кожи с нарядными металлическими кнопками. Однако мастер не соглашался, хотя сам кортик и не носил. Слух о кортике разнесся по всему полку, и к артмастеру то и дело стали наведываться молодые офицеры с самыми заманчивыми предложениями. «Подъезжал» к нему и я, но так же безуспешно... В конце концов такое паломничество ему надоело, и он просто подарил кортик помощнику начальника штаба.

Помначштаба с радостью принял оружие и тут же пристегнул его к поясу. Через три дня он был убит при разрыве случайного одиночного снаряда.

Кортик «по наследству» перешел к приятелю погибшего, командиру взвода управления одной из батарей.

Не помню точно, сколько прошло времени с того дня — месяц или полтора, но только и новый хозяин кортика вскоре погиб при бомбежке.

На другой же день командир батареи, где служил погибший, явился в мастерскую и с мрачным видом выложил кортик на стол.

— Вот, заберите,— только и произнес он.

Мастер удивился.

— Оставили бы себе...

— Нет уж,— покачал головой комбат,— довольно и двоих... Нехороший этот кортик...

— Что значит — нехороший? — не понял мастер.

Но комбат не стал объяснять. Он только неопределенно пожал плечами и вышел из мастерской.

Бывает, что произнесенное мимоходом, даже без особого смысла слово вдруг обретает какой-то особый, многозначительный смысл. С того дня в полку от батареи к батарее пополз слухок, будто злополучный клинок приносит несча-

стве. И всех желающих завладеть кортиком словно ветром сдуло.

Как-то вскоре после этого я зашел по делам в артиллерийскую мастерскую.

— Послушайте, лейтенант, — предложил мастер, — хотите, возьмите кортик себе.

Он вытащил клинок из ножен и положил передо мной на стол.

Предложение застало меня врасплох. Должно быть, вид у меня был довольно глупый и растерянный, потому что мастер иронически усмехнулся и пробормотал что-то ехидное. А вслух сказал:

— Вы же сами просили!

Я продолжал молча стоять, не зная, что ответить, и тупо глядя на отливающий туманной синевой клинок. Честно говоря, мне очень хотелось взять его. Но я не мог решиться. Отделаться от ощущения, что, приняв клинок, непрослительно подвергну себя смертельной опасности, тоже не мог.

Одним словом, я... отказался. Что-то невразумительное напел в объяснение и под ироническим взглядом мастера бочком выбрался на улицу.

Он, конечно, имел все основания так на меня смотреть: еще бы, молодой офицер, москвич, комсомолец, даже комсорг штабной комсомольской организации и вдруг... Может быть, все-таки вернуться? Неужели я боюсь... какой-то нелепой выдумки? Ну да, погиб помначштаба, погиб командир взвода управления. Но ведь война, бой, за то же время в полку были и другие потери. При чем же здесь кортик?

Я еще довольно долго стоял возле дверей мастерской, не уходил, все решал: вернуться или не вернуться? Но перебороть какое-то смутное подсознательное ощущение неведомой опасности, связанной с кортиком, мне так и не удалось. Кортик я не взял.

Я не столько боялся того, что злополучный клинок действительно «напустит» на меня какую-нибудь беду, сколько опасался самого себя. Вот возьму я кортик и разумом буду понимать, что он ничего дурного сделать мне не может. Но где-то, в каком-то далеком уголке подсознания будет сверлить и сверлить проклятая назойливая мысль. Мысль о том, что, владея кортиком, я подвергаю себя неведомой опасности. И это будет висеть надо мной, словно дамоклов меч, изматывать, сделает жизнь невыносимой. Нет, уж лучше обойтись без кортика...

Кстати, месяца через полтора после этого я был тяжело ранен. Представляю, каково бы мне было, если бы я все же взял этот кортик... Как бы я себя тогда ни убеждал, что кортик тут ни при чем, все равно меня бы преследовала, не дала бы ни минуты покоя неотвязная, назойливая мысль, что именно кортик во всем и виноват. И я бы всю жизнь испытывал ощущение вины перед самим собой и вечно упрекал себя за легкомыслие и неосторожность.

Но так как кортик я не взял, то ранение связалось для меня с другими событиями. И эта кажущаяся связь сыграла немаловажную роль в моей последующей жизни; потому что с освобождением от нее я наконец освободился и от чего-то такого, что мешало мне жить.

ПОБЕДА!

Был конец сентября 1943 года. Наши части выходили к Днепру, а мы в тот день на двух «студебеккерах» отправились в район Харькова, ставший уже глубоким тылом, за боеприпасами и запасными частями. Пока оформляли документы, ожидали очереди на погрузку, прошло немало времени. Когда выехали в обратный путь, вечерело. Мы с командиром автопаркового взвода техник-лейтенантом Топаревым сидели в кабине головного «студебеккера». Топарев сам вел машину.

Настроение у меня было превосходное. После Курской дуги и взятия Белгорода и Харькова, в котором мы принимали непосредственное участие, наши части довольно быстро продвигались на запад, освобождая оккупированную фашистскими захватчиками территорию.

Мы проезжали мимо зеленеющих садов и полей, знаменитых украинских пирамидальных тополей и плакучих ив, традиционных плетней, над которыми повисли желтые чашки подсолнухов. И было радостно, что все это возвращено, отнято у врага. Теплый, прозрачный вечер соответствовал нашему настроению. Хотелось петь. И техник-лейтенант Топарев, обладатель сильного, приятного голоса, всю дорогу пел популярные фронтовые песни. В тот вечер я впервые услышал «Землянку»: «Бьется в тесной печурке огонь»... Моему спутнику эта песня, видимо,

очень нравилась, потому что он повторил ее несколько раз. А я с удовольствием слушал и слушал.

Совсем стемнело. Мы еще не доехали даже до Полтавы, а предстояло добираться до Кременчуга. Ехать ночью на машине по прифронтовым дорогам — дело трудное. Сентябрьская украинская ночь черна, а фары включать нельзя. Решили заночевать. Свернули с дороги в ближайшую деревеньку, заехали в первый попавшийся дом. Загнали машины во двор, а сами, чтобы не беспокоить хозяев, расположились в комнатах на полу, на шинелях. С рассветом поднялись и стали собираться в путь.

Как и накануне, мы с техником-лейтенантом забрались в кабину своего «студебеккера», Топарев завел двигатель и мягко дал задний ход. И в ту же секунду словно что-то полыхнуло у меня перед самыми глазами. Звука я даже не услышал. Лишь секундой позже сообразил, что наехали на противотанковую мину, коварно оставленную отступившими фашистами во дворе мирного крестьянского дома. Открыв дверцу, я вывалился наружу, даже не ощущая в первый момент боли в перебитой ноге.

И началось: госпитали, эвакупункты, санитарные поезда — обычный многомесячный путь тяжелораненого. Когда человек вдруг вырван из ставшего уже привычным напряженного водоворота фронтовых дел и надолго прикован к больничной койке, у него появляется бездна свободного времени, которое нечем заполнить. Тогда начинаешь размышлять, в десятый и сотый раз обдумывать одно и то же.

То и дело я возвращался мыслями к обстоятельствам своего ранения. Человек всегда пытается связать значительные события своей жизни с предшествующим. Но на этот раз из всех предшествующих событий в память врезалось только одно: мы едем по вечерней дороге в кабине «студебеккера» и техник-лейтенант Топарев своим высоким, берущим за душу голосом поет «Землянку»:

До тебя мне дойти пелегло,
А до смерти четыре шага...

Вероятно, все дело было в этих четырех шагах. А мы оказались даже не в четырех, а в одном шаге от смерти...

И опять случилось то же, что и с кортиком. Разумом я превосходно понимал, что песня, которую распевал накануне мой спутник, никак не могла повлиять на события следующего утра... Разумом. А где-то в подсознании ни в чем не повинная «Зем-

лянка» надолго стала для меня своеобразным предвестником надвигающейся беды.

Стыдно признаваться, но стоило мне потом где-нибудь только услышать эту песню, я чуть ли не зажимал уши, бросался выключать радио; а если это происходило где-нибудь в гостях, старался побыстрее выйти из комнаты, только бы не слышать зловещих:

А до смерти четыре шага...

Но хуже всего бывало, когда злополучная мелодия возникала в собственной памяти. Я всячески гнал ее от себя, а она, назойливая, словно дразня, вертелась на языке. Особенно не по себе становилось, если это происходило в то время, когда я сидел за рулем своей машины. Ведь тогда, на фронте, я слышал «Землянку» тоже в машине... И мне тут же мерещилась угроза какой-либо ужасной аварии. Чтобы избавиться от «четырех шагов, отделяющих от смерти», я начинал петь вслух или декламировать стихи, и злосчастная «Землянка» на время забывалась.

Не хочу возводить на себя напраслину. Если говорить серьезно, я никогда по-настоящему не верил в то, что какая-то песня способна навлечь беду. Не мог верить... Как и в истории с начфином, я в глубине души гораздо больше опасался другого. Боялся, как бы подсознательное ожидание «чего-то такого» не выбило меня из колеи и в какой-то момент не вызвало растерянности, способной и в самом деле привести к трагическим последствиям.

Впрочем, не стоило бы мне по этому поводу оправдываться — ведь кто может провести строгую грань между суеверием и вполне «материалистичной» боязнью самого себя, определить, где кончается одно и начинается другое.

И все-таки я ведь боялся этой песни, бежал от нее...

Началом «освобождения» послужило одно знаменательное для меня событие. Как-то в поезде в очередной командировке я встретил артмастера. Того самого, который когда-то на фронте предлагал мне кортик. Поговорили, вспомнили военные дни, общих знакомых, рассказали каждый о себе... О кортике он заговорил первый.

— А между прочим, тот кортик... помните — трофейный... Так он у меня и остался. Храню как память.

У меня едва не сорвался с языка довольно бестактный вопрос: а не принес ли злополучный клинок и ему каких-нибудь бед?.. Но к чему было спрашивать, ведь он и так сообщил о себе

все. Закончил войну без единого ранения, живет хорошо, работает, растит двух сыновей...

Вот оно, опровержение! Опровержение жизнью!

Конечно, я и раньше знал, что кортик всего лишь обработанный кусок металла и ничего больше. И все же только эта встреча решительным образом изменила мое отношение к давней фронтовой истории.

У физиков есть выражение: «курковая система». Вы нажимаете на спусковой крючок — курок винтовки, затрачивая ничтожное усилие, а вызываете выстрел, освобождая весьма значительную энергию, заключенную в порохе.

Бывает, что где-то в глубинах сознания все давно созрело, и достаточно легкого толчка, чтобы...

Вскоре после возвращения в Москву мне пришлось совершить поездку на автомобиле за несколько сот километров от города. Стемнело. Шел мокрый осенний снежок, покрывая подмороженный асфальт коварным белым налетом. На такой дороге, да еще ночью, гляди в оба, а то не успеешь опомниться — окажешься в кювете...

И вдруг, как уже не раз со мной случалось, в сознании всплыла, как нарочно, все та же мелодия «Землянки». Мне даже стало не по себе: уж очень она гармонировала с тяжелой дорогой — и впрямь до аварии «четыре шага»...

По привычке я уже было затянул в качестве «противовеса» «Из-за острова на стрежень...», но тут же оборвал на полуслове. Вспомнил недавнюю встречу с артмастером. И что-то во мне возмутилось. Почти не раздумывая, вместо «Стеньки Разина» я во весь голос запел «запретную» «Землянку». А злобещий куплет с четырьмя смертельными шагами даже повторил, словно бросая вызов обстоятельствам, дважды. И только крепче взялся за руль и стал еще внимательнее смотреть на дорогу.

Я рисковал. Ведь стоило в тот вечер случиться какой-нибудь неприятности — пусть самой пустяковой, а все шансы для этого были, — и я бы, вероятно, приписал все «Землянке», и тогда мне стало бы совсем трудно избавиться от своего поверья.

Я рисковал. Но я выиграл!

Есть в нашей жизни еще одна сторона, соприкосновение с которой нередко настраивает на мистический лад. Эта сторона — будущее человека. Будущее вырастает из настоящего каждую минуту, и тем не менее мы не знаем, каким оно будет через мгновение. Может быть, совсем не таким, каким бы нам хотелось... Я имею в виду индивидуальное будущее человека, как говорили в старину — его судьбу.

Но особенно сильное впечатление производят такие случаи, когда человеку каким-то образом удается заглянуть в свой завтрашний день и предвидение оправдывается.

В нашем артиллерийском полку служил вместе со мной один немолодой уже офицер Чернышев, человек нервный и впечатлительный. Дома он оставил большую семью, страшно по ней скучал и очень боялся погибнуть. Нет, он вовсе не был трусом и в бою вел себя не хуже других, но слишком уж часто заговаривал о смерти и, судя по всему, постоянно думал о ней.

Однажды утром этот офицер подошел ко мне и очень серьезным, трагическим каким-то голосом сообщил:

— Сегодня меня убьют...

Сказал не предположительно даже, а так, словно это уже произошло и он просто констатирует факт.

— Что еще за чепуха? — возмутился я. — Как можно знать такое? Каждого из нас могут убить каждый день... Но говорить об этом заранее?.. Выбрось эту ерунду из головы!

— А я знаю, — повторил он настойчиво и в то же время как-то обреченно, словно уже примирился с неизбежным. — Соп видел...

Рассказать, что это был за сон, он не успел, так как в это время прозвучал сигнал, и наш полк тронулся в путь. Накануне наши войска взяли Белгород, и теперь нам предстояло вместе с другими частями переправиться на другой берег реки Ворсклы. Приблизившись к переправе, мы в ожидании очереди остановились в стороне, на холмике, а машины и орудия укрыли под деревьями. Не прошло и нескольких минут, как появились фашистские бомбардировщики. Несмотря на густые разрывы зенитных снарядов, шли они довольно четким строем, прямо к переправе. Вот ведущий спикировал, и в прозрачном, чистом

летнем небе мы увидели, как от самолета отделились и понеслись к земле черные точки бомб. Вслед за ведущим стали один за другим пикировать и остальные бомбардировщики. Вокруг переправы взметнулись брызги многочисленных разрывов, к счастью, причиняя ей мало вреда.

Мы небольшой группкой стояли на вершине холмика, на открытом месте и наблюдали за происходящим. Опасаться нам особенно было нечего, так как немецких летчиков явно интересовала только переправа, к тому же падающие бомбы были хорошо видны и в случае необходимости в нашем распоряжении оставалось несколько секунд, вполне достаточных для того, чтобы нырнуть в траншею, которых вокруг было довольно много...

Так мы стояли, разговаривали и даже перестали внимательно следить за происходящим в небе, как вдруг кто-то крикнул: «Берегись!»

Мгновенного взгляда, брошенного вверх, было достаточно, чтобы понять, что произошло. Один из фашистских бомбардировщиков, поврежденный зенитным снарядом, отвернул в сторону и, видимо, стремясь избавиться от груза, сбросил бомбы куда попало. Черные точки летели прямо на нас.

— Быстро в укрытие! — скомандовал стоявший вместе с нами помощник начальника штаба.

Мы бросились врассыпную. Пробежав с десятков метров, я спрыгнул в какую-то щель и пригнулся.

— Смотри, — толкнул меня в бок оказавшийся рядом со мной помначштаба.

Я осторожно выглянул и с ужасом увидел, что Чернышев один продолжает стоять на прежнем месте.

— Эй! — закричали мы изо всех сил. Но Чернышев словно нас не слышал.

Помначштаба рванулся было из щели, но там, где мы только что стояли, взметнулась земля. Мы упали на дно...

Потом я сам себе не мог поверить, что все это уложилось в короткие мгновения, пока бомбы, оторвавшись от самолета, стремительно неслись к земле. Но как бы там ни было, Чернышев погиб в тот самый день...

Оказалось, что он рассказал о своем сне не только мне. И вот поползли по полку всякие «смутные» разговоры о том, что Чернышев предчувствовал свою смерть и что вообще...

Вполне вероятно, что и я поддался бы общему настроению. Очень может быть. Если бы я не видел его лица. В тот предпос-

ледный момент, когда он стоял один на вершине холма и, словно замороженный, смотрел на падавшую бомбу. Так, должно быть, человек смотрит на змею, изготовившуюся к броску. На лице застыло выражение полной обреченности...

Тут все было ясно — ясно до конца. Все мы стояли вместе на том холмике, и все могли быть убиты шальной бомбой. Но никто, кроме Чернышева, не получил даже царапины. Мы вовремя заметили опасность и успели укрыться. И Чернышев вполне мог укрыться вместе со всеми. Почему же он этого не сделал? Видимо, потому, что слишком большое впечатление произвел на него тот «ведший» сон, он слишком поверил в неминуемую смерть. И когда он увидел ее — смерть, падающую с неба, — у него не хватило ни сил, ни мужества бороться, он сразу сдался. Воля его была скована. Так вратарь, поверив, что гол неотвратим, словно загипнотизированный, безучастно смотрит на медленно катящийся в ворота мяч, хотя мог бы без труда отразить его.

Нервы — вот что погубило Чернышева. Он боялся смерти, все время думал о ней, она снилась ему по ночам, и в критический момент у него просто не хватило сил, чтобы спасти свою жизнь.

Но ведь бывают и другие предчувствия. Не так давно один мой знакомый погиб в авиационной катастрофе, а потом его жена рассказывала мне, что в то утро ему было как-то не по себе, он очень не хотел уезжать. «У него было дурное предчувствие...» — заключила она.

Но почему обязательно предчувствие? Мне много приходилось ездить в командировки, и должен честно признаться, что всякий раз, уходя из дома, я испытываю какое-то неприятное ощущение...

Должно быть, нечто подобное — не более — испытывал и мой знакомый перед тем роковым рейсом. А уж потом его жена под впечатлением случившегося превратила обычное волнение перед отъездом в «дурное предчувствие».

И все же предчувствия бывают. Я проверил это на себе.

Как-то в конце лета мы всей семьей совершали туристскую поездку на автомашине. Смоленск, Витебск, Киев, Черновцы... В Черновцах заночевали на местной турбазе.

Сначала мы собирались посетить и Закарпатье. Потом решили ограничиться однодневной экскурсией на автобусе в горы и двинуться дальше, к Черному морю.

Но Карпаты так нам понравились, что на следующий же ве-

чер мы снова перерешили. На семейном совете было постановлено: уделить Закарпатью несколько дней.

Я сам ратовал за эту поездку. Но когда мы миновали развилку дорог и повернули не направо, к Одессе, а налево — к Ужгороду, меня охватило какое-то неясное предчувствие. Возникло смутное ощущение, что где-то там, на горных дорогах Закарпатья, нас ожидает какая-то беда. Но я ничего не сказал и постарался подавить это ощущение, оно показалось мне нелепым и недостойным, да и не поворачивать же в самом деле обратно.

Через несколько дней, когда мы поднимались на Яблоненый перевал, отделяющий Закарпатье от остальной части Украины, действительно случилось несчастье.

Впереди из-за крутого поворота неожиданно выскочил на большой скорости автокран. Описал какой-то немыслимый зигзаг и ринулся прямо на нас. Сворачивать было некуда — справа от шоссе сразу же протекала речка. Тем не менее я автоматически рванул руль вправо... Те короткие мгновения, когда мы сближались, начисто выпали из памяти... Потом раздался звонкий металлический скрежет... К счастью, мы коснулись друг друга только бортами. А если бы он шел чуть левее...

Но и при этом сравнительно счастливом исходе картина выглядела достаточно плачевно. Левая сторона нашей машины была смята в гармошку, заднее крыло сиротливо валялось посреди дороги, отброшенное метров на тридцать, а задний баллон с печальным свистом медленно выпускал дух.

Сейчас, когда все уже в прошлом, я могу писать об этом с известным юмором. Тогда же мне было очень не по себе...

Только поздно вечером, когда все тревожения этого дня остались позади — подвыпивший водитель автокрана обнаружен, а разбитая машина водворена в местную мастерскую, — я вспомнил о своем предчувствии.

Ведь чушь какая-то! Не мог же я в самом деле заранее предчувствовать случившееся, эту аварию? А ведь предчувствие какой-то беды все же было. Как оно возникло? Я должен, просто обязан был в этом разобраться!

Я долго не спал, настойчиво вызывая в памяти все, что могло иметь хотя бы какое-то отношение к нашей закарпатской поездке. И я вспомнил.

Еще в начале лета один из друзей-автомобилистов, не так давно побывавший в этих краях, рассказывал, что дорога через Яблоненый перевал трудная и даже опасная, так как основная трасса закрыта из-за ремонта и приходится пользоваться объ-

ездом. Он говорил также, что по этой дороге ходит довольно много крупных машин-лесовозов: неподалеку расположен большой лесокосбинат.

Затем вспомнился разговор с недавним нашим экскурсоводом. Во-первых, он заметил вскользь, что шоферы в Карпатах довольно лихие, а во-вторых, рассказывая о местных лесных богатствах, упомянул, что поскольку сейчас как раз конец квартала, то заготовка древесины идет особенно интенсивно.

И наконец, последнее звено в этой цепи замкнул шофер турбазы, который в ответ на мой вопрос сообщил, что основной путь через перевал закрыт и до сих пор.

Вот все это, вместе взятое, видимо, и создало у меня смутное ощущение возможной опасности. Разумеется, вполне могло случиться и так, что наша поездка по Закарпатья окончилась бы благополучно. И все же повышенная опасность в самом деле существовала, и о ней-то и предупреждало меня подсознание...

Но, конечно, это был лишь, так сказать, «вероятностный прогноз». Предвидеть конкретно то, что произошло на Яблонецком перевале, никто бы, разумеется, не смог.

Это происшествие заставило меня заинтересоваться предчувствиями. Их механизм, если можно так выразиться. Я беседовал со многими знающими людьми, врачами, психологами, и вот что для себя выяснил. Сегодня уже никто не сомневается, что вообще вся деятельность людей в той или иной степени связана с предвидением.

В самом деле, ведь каждому человеку приходится не только оценивать заранее последствия в буквальном смысле слова каждого своего шага, но и предвидеть, к чему приведут его поступки. Без этого нормальный человек фактически не совершает ни одного действия.

Видимо, эта удивительная способность человеческого мозга сложилась в процессе длительной эволюции живых существ как один из важнейших факторов, способных обеспечить победу в борьбе за существование.

И потому можно предположить, что предвидение — это одно из неотъемлемых свойств нервной системы человека. Во всяком случае, подобной точки зрения придерживается один из крупнейших специалистов в области изучения высшей нервной деятельности человека действительный член Академии медицинских наук СССР, профессор П. К. Анохин.

Как же все происходит? По мнению профессора Анохина, мозг, вырабатывая модель будущего действия, учитывает самую

разнообразную информацию: состояние живого существа, его желания, а также необходимые сведения о внешней обстановке. Кроме того, учитываются хранящиеся в наличии сведения, имеющие прямое или косвенное отношение к сложившейся ситуации.

Итак, предвидение — это совершенно естественная реакция нервной системы на вполне реальную обстановку, ничего мистического тут нет.

Ничего потустороннего нет в том, что предвидение может осуществиться не только с помощью логических рассуждений, но и, так сказать, интуитивно. Дело в том, что наше мышление идет как бы на двух этажах — двух уровнях. На верхнем — логика, рассуждения, выводы, сознательный отбор и анализ различных фактов, на нижнем — черновая подготовительная работа. Вот именно здесь, в области, так сказать, «подсознания», и созревают предчувствия. И никакой мистики. У подсознания нет каких-либо сведений, которыми не располагает сознание. Их обслуживают одни и те же органы чувств: зрение, слух, обоняние, осязание. Но многое проскальзывает как бы мимо сознания, а подсознание собирает все.

Сейчас ученые считают доказанным, что довольно обширная информация запоминается человеком бессознательно и долгие годы хранится в его «скрытой» памяти. Были даже проделаны любопытные опыты. Оказалось, что, пропуская слабый электрический ток через специальные электроды, приложенные к вискам человека, можно вызвать у него ощущения, относящиеся к прошлому, и заставить его вспомнить давнопрошедшие и забытые события.

И можно предполагать, что подсознание, обрабатывая всевозможные сведения, широко использует и эту «скрытую» информацию.

У подсознания есть и еще одно преимущество: оно беспристрастно. Как часто в своих рассуждениях мы невольно отдаем предпочтение желаемому вопреки действительному. А подсознание работает, как недоступный скрупулезный бухгалтер, точно взвешивая все «за» и «против», не обращая внимания на наши желания и настроения.

Но ведь бывают и такие предчувствия, которые не оправдываются? Да, бывают. Они возникают тогда, когда мы чего-нибудь слишком хотим или слишком сильно боимся... И навязываем подсознанию «свою» точку зрения.

Таким образом, верные предчувствия вполне возможны, и в

них ровным счетом нет ничего мистического. Ведь они оправдываются только в тех случаях, когда между будущими и предшествующими событиями существует реальная причинная связь. Вот, уловив эту-то связь, наше подсознание и строит прогноз дальнейшего развития событий.

Одним словом, подсознание существует и «трудится». Я даже часто прибегаю, если так можно выразиться, к помощи подсознания сознательно. Нужно решить какую-то трудную задачу, скажем, разобрать сюжет нового рассказа или содержание книги или продумать важную статью. И тогда я делаю то, что для себя самого называю «бросить проблему в подсознание». Стараюсь как можно более четко сформулировать задачу и после этого... забыть о ней. Теперь остается только запастись терпением, не торопить события и заниматься очередными делами. Тем временем где-то там, в глубине мозга, работа идет. А когда что-то созреет, задача сама напомнит о себе. И удивительное дело: начинаешь снова о ней размышлять и обнаруживаешь, что значительно продвинулся вперед.

Теперь я всегда стараюсь доверять подсознанию. Не отмахиваться от предчувствий, а стараться их осмыслить и понять, как и почему они возникли.

Суеверие на знании не основано, говорил Менделеев. Верно. Знание раскрывает естественные причины явлений, их движущие силы. Если подмечен какой-то факт — это еще далеко не полное знание, только самое его начало. И потому истолкование факта, его объяснение на первых порах нередко бывает мистическим. Вот это как раз и есть то, что Менделеев называл суеверием.

Суеверие, разумеется, надо отбросить, это бесспорно. Ну, а факт? Увы, зачастую мы отбрасываем его вместе с суеверием. Не совершаем ли мы тем самым непростительной ошибки? А ведь злополучный факт следовало бы сначала проверить. И если он действительно реален, искать ему научное объяснение.

Ведь есть же суеверия, устойчиво бытовавшие на протяжении столетий, переходившие из поколения в поколение и благополучно добравшиеся до нашего просвещенного времени. Неужели все они без исключения питались одной только слепой и бездумной привычкой к подражанию. Не слишком ли этого мало для столетий? Казалось бы, за такой долгий срок простой человеческий опыт должен был давным-давно отбраковать, отсеять негодные представления. Но если этого не произошло...

Я не раз задумывался над этим вопросом, вновь и вновь возвращаясь к нему, но все это были довольно смутные, неоформившиеся мысли. Как-то не за что было ухватиться. Разве что за предчувствия? Ведь оправдавшееся предчувствие мы нередко воспринимаем как нечто таинственное, необъяснимое, почти сверхъестественное. Но я уже говорил, что это не так: предчувствия в принципе можно объяснить вполне естественными причинами, а в большинстве случаев даже проследить их истоки.

Но и этого мало. В таких «смутных» ситуациях всегда хочется чего-то более определенного, чего-то приближающегося к математическому доказательству. Недаром еще Галилей говорил, что книга природы написана на языке математики.

И вот совсем недавно, когда эта книжка уже была наполовину написана, я натолкнулся в одном журнале на сообщение, которое меня просто ошеломило.

...Дело было где-то в Атлантике. Там вели промысел наши рыболовные суда. И вот какая сложилась ситуация. В одном районе ловился окунь — ценная рыба, но, увы, он посещал это место не так уж часто. Зато в другом районе всегда ловилась пикша — рыба, к сожалению, дешевая. И каждый раз перед капитаном сейнера возникал вопрос: куда плыть? Наверняка — за дешевой пикшей или на авось — за дорогим окунем? В первом случае улов был обеспечен, но скромный, во втором — можно было остаться вовсе ни с чем. Некоторые капитаны действовали по принципу: лучше синица в руках, чем журавль в небе; иные рисковали — с переменным успехом. Наконец, за помощью обратились к математикам. Те тщательно проанализировали все данные об условиях лова за несколько лет и пришли к выводу, что наиболее выгодная стратегия выражается отношением три к одному. Другими словами, по теории вероятностей наилучшего результата можно ожидать в том случае, если на каждый поход за окунем будет предпринято три похода за пикшей.

Но дело несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Весь фокус в том, что рекомендация, о которой идет речь, содержит лишь предпочтительное соотношение походов за пикшей и окунем. А вот куда именно отправиться в очередной раз, об этом она не говорила ни слова. Возможно, за окунем надо ходить три раза подряд, а потом девять раз за пикшей, а может, в данном конкретном случае еще выгоднее какое-то другое чередование походов. Как узнать?

Может быть, это покажется странным, но самый лучший способ получить ответ — бросить жребий. Да, надо бросить жребий,

причем так, чтобы соотношение возможностей было бы такое же, то есть один к трем. Ну, скажем, положить в шапку четыре бумажки: на одной написать «окунь», на трех остальных — «пикша». И пусть кто-нибудь вытащит одну бумажку. Она и определит направление очередного похода. И так каждый раз.

Я так подробно обо всем этом говорю для того, чтобы легче было правильно меня понять. Это не просто любопытная история, а предмет для серьезных размышлений...

Да, серьезных. Моряки последовали совету математиков. И вот результат: за короткий срок уловы возросли на десятки тонн.

Вообще-то я и раньше знал, что случайный выбор следует осуществлять с помощью случайного же процесса. Так утверждает математика. Но раньше это правило представлялось мне чем-то весьма отвлеченным, сугубо теоретическим. Теперь оно предстало передо мной в реально ощутимых событиях и фактах.

И вот еще какую любопытную мысль высказал автор той заметки. Не потому ли народные представления связывали между собой те или иные случайные явления, что эти явления подчинялись сходным вероятностным закономерностям? Быть может, именно такие вполне реальные отношения между явлениями и подмечала исстари народная мудрость? Может быть, именно таким образом рождаются некоторые приметы?

И если так, то во многих приметах нет ничего таинственного; просто предсказание одного случайного процесса другим случайным процессом.

Как и в истории с рыбным промыслом.

Кстати, вспомним характерный эпизод из многих народных сказок: герои оказываются на перекрестке нескольких дорог и не знают, какую избрать. И, подобно тем рыбакам, довольно часто прибегают к жребию.

Конечно, в старину народ был религиозен, даже задавлен религией. Но, несмотря на это, в нем всегда жила практическая сметка, ясный житейский ум, острая наблюдательность. И поэтому не исключено, что за некоторыми народными преданиями и приметами, дошедшими до нас из глубины веков, стоят вполне реальные явления. Другое дело, что иногда это реальное не так-то просто отыскать. Но что делать, не знали наши предки законов природы, не умели находить подлинных причин явлений, отыскивать связи между ними. Поэтому и придавали они своим наблюдениям фантастические формы, относили непонятное к сверхъестественному. Хотя эти наблюдения зачастую бы-

вали весьма точны и остроумны. К тому же они и проверялись и уточнялись многими поколениями.

Так работал хотя и стихийный, хотя и не безошибочный, по в общем-то чрезвычайно любопытный механизм. И было бы нелепо, а может быть, и непростительно, просто так взять и отбросить все без исключения результаты его многовековой работы только потому, что на них «написано» — «бог» или «дьявол». Так, например, было бы нелепо отказаться от органа только потому, что на нем исполняется религиозная музыка!

Ведь это же факт, что некоторые области человеческой деятельности, прямо связанные с мистицизмом и религией, все же содержали нечто от реальности. Лженаука астрология пыталась предсказывать по положениям небесных светил судьбы людей. Чепуха! Но факт, что астрологи накопили большой фактический материал в области планетных наблюдений, весьма пригодившийся астрономам. Или алхимики — они искали пресловутый философский камень, якобы способный превращать металлы в золото. И для этого прибегали и к молитвам и к волшебству. Волшебство так и не помогло, зато химия получила от алхимии довольно ценное наследство. В своих адских кухнях алхимики попутно открыли множество вполне реальных и полезных химических реакций.

То же самое можно сказать и о народной мудрости. Разве не подарила нам бесценные лекарства народная медицина? И несмотря на то, что, применяя их, знахари и знахарки зачастую сопровождали свое врачевание колдовскими заговорами.

А народные приметы погоды, связанные с некоторыми религиозными празднествами? Хотя с погодой еще не все ясно, можно думать, что нашим предкам в результате многолетних наблюдений и сопоставлений удалось подметить какие-то вполне реальные связи между погодой различных месяцев в году, какие-то циклы погоды. Чисто внешне имеют эти связи отношение к религиозному календарю.

Иные говорят, что на подобные вещи лучше обращать поменьше внимания, а то как бы не сложилось впечатление, что религиозные предрассудки в чем-то оправдываются.

Нередко нечто похожее происходит и в науке: когда ту или иную гипотезу или теорию отрицают только потому, что богословы пытаются толковать ее в религиозном плане.

Хорошо помню, как некоторые атеисты осмеивали гипотезу расширяющейся Вселенной, которая утверждает, что наша Метагалактика образовалась в результате гигантского взрыва

сравнительно небольшого сгустка необычайно плотного вещества. Чего-чего только не ставили этой гипотезе в вину: в ней, мол, и бог, и творение, и вообще вся религиозная чепуха.

А ведь научные данные, факты, положения сами по себе вообще не могут быть «религиозными» или «атеистическими» — они могут быть лишь верными или неверными.

Не явилась исключением и гипотеза расширяющейся Вселенной. Со временем оказалось, что в ней не только нет ничего религиозного, но она просто... верна.

Я уже не говорю о том, как после выглядели горе-критики — меня это не слышком волнует. Хуже другое: они подрывали доверие к атеизму.

По-моему, это просто недостойно современного умного, уважающего себя человека: предпочитать незнание знанию из страха перед тем... да из каких угодно соображений. Религия еще никогда не выростала из подлинного знания. И не случайно В. И. Ленин не устал повторять, что любые реальные факты — пусть самые удивительные — только подтверждают материализм.

Каким бы удивительным ни было то или иное явление, как бы ни поражало оно наше воображение, не укладываясь, на первый взгляд, в существующие научные представления — если это явление в самом деле происходит, если оно присуще окружающей действительности, — ему обязательно найдется место в материалистической картине мира. Рано или поздно наука откроет его естественные причины, выяснит управляющие им естественные закономерности.

Опыт, накопленный человечеством, позволяет утверждать: с какими бы новыми свойствами материи мы ни встретились, какие бы новые законы ни открыли, среди них не будет места ни сверхъестественному, ни чудесному (в религиозном смысле слова). Вся история науки подтверждает это.

Энгельс говорил: «Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта, последняя, доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания».

Поэтому всякий раз, когда я вижу, как из тумана, казалось бы, таинственных, необъяснимых фактов вырисовывается реальное, моя атеистическая убежденность во сто крат возрастает. Ведь это еще раз показывает, что все религиозное, мистическое — только наносное, постороннее, надуманное, а значит — лишнее.

Ответ на любой, пусть каверзный вопрос всегда должно давать знание и только знание.

Атеизм — часть материалистического мировоззрения. И это не только делает атеизм непреходящим, но и укрепляет его. Справедливость атеизма обеспечивается не только нашей убежденностью в отсутствии сверхъестественного, но и всем авторитетом марксистско-ленинской философии — могущественного инструмента познания реального мира.

Вот почему мой атеизм не способен поколебать ни самые загадочные факты, ни самые хитроумные рассуждения богословов. Уверенность в том, что правы мы, атеисты, а не защитники религии, дает мне диалектический материализм.

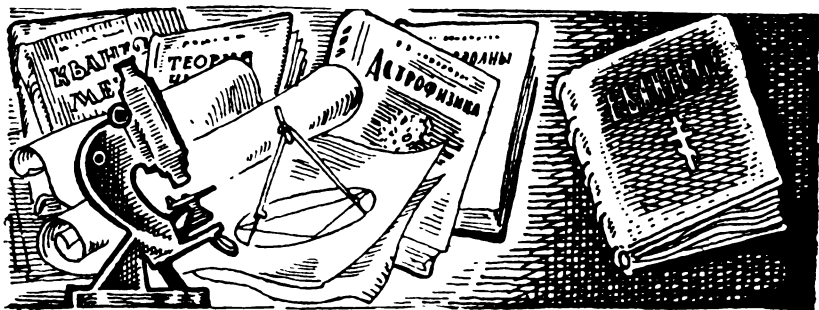
Величайшая сила материалистической философии в том, что ее истинность подтверждается всем многовековым опытом изучения природы.

Для меня подлинный атеизм тем и привлекателен, что он покоится на неколебимом фундаменте научного материализма и, не страшась неожиданностей, стремится проникать в сокровенную глубь явлений...

И потому быть настоящим атеистом — значит быть мыслящим, передовым человеком своего времени. Есть к чему стремиться!

И тут я вновь невольно вспоминаю об Н. Думал ли он обо всем этом? Скорее всего — нет. Иначе не случилось бы с ним того, что случилось.

Глава 2

ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ

ПОЧЕМУ ОНА ЕСТЬ

Когда начинаешь всерьез, глубоко размышлять о религии и о своем отношении к ней, неизбежно возникает один и тот же вопрос: почему до сих пор многие люди верят в бога?

Конечно, можно сказать себе: верующих у нас немного, это в основном люди старших поколений, и вообще религия явно отмирает — и на том поставить точку.

Но, когда речь идет о придирчивой проверке своих собственных взглядов, так нельзя поступить. Так поступить — значит начать с самим собой игру в прятки, а тогда от всей этой затеи с саморевизией ровно ничего не останется. Разбираться — так разбираться до конца.

Ведь какая складывается картина? На протяжении веков миллионы людей верили в бога, исправно посещали церкви, словом, были вполне религиозны. И среди них встречались довольно образованные и даже высокообразованные люди, выдающиеся ученые, художники, музыканты. Даже в наше время, в век атома и освоения космоса, физики и биологии, телевидения и кибернетических роботов — даже в наш просвещенный век в мире все же существуют десятки миллионов верующих. И в нашей стране верующие есть тоже.

Разумеется, в прошлом обилие верующих во многом объяснялось официальным, государственным положением религии, ее почти безраздельным господством над умами, гнетом правящих классов и, конечно же, традициями. Религиозные представления составляли в те времена, можно сказать, основу всей жизни, веру в бога впитывали чуть ли не с молоком матери.

Но ведь и тогда, при всех этих условиях и обстоятельствах, были люди, решительно отвергавшие религию. Люди по-настоящему убежденные. Приходившие к отрицанию бога не по принципу «все верят, а вот я для разнообразия не буду», а в итоге наблюдений и размышлений. И такие люди упорно отстаивали свои атеистические взгляды, отстаивали, несмотря ни на что, иногда ценою жизни...

Если задуматься, факт поразительный. Но надо его понять, потому что без этого, мне кажется, нельзя разобраться и в том, почему в наше время и в нашей стране, в эпоху господства материалистических представлений о мире, то есть при ситуации прямо противоположной, все еще находятся верующие люди.

И, мне кажется, тут может быть только одно объяснение. Я — физик по образованию и привык мыслить как физик. Разумеется, далеко не все в жизни можно объяснить с точки зрения физики. Но физические аналогии часто вносят ясность в сложные вопросы, помогают лучше понять подлинный смысл происходящего.

Так вот, аналогия. Те, кто уже изучал физику, знают, что световой луч не только поток частиц — корпускул, как думали во времена Ньютона, но и волна, своеобразный волновой процесс. Значит, каждая порция света — это одновременно и частица и волна. То есть она одновременно обладает и своими индивидуальными свойствами, свойствами отдельной, обособленной частицы, и свойствами, зависящими от того, что она не единственная частица, что рядом с ней существуют и другие подобные ей частицы — свойствами волны...

Так и каждый человек. Это тоже одновременно и «частица» и «волна». Человека нельзя отделить от общества. По самой сути своей он — существо общественное. Свои мысли, умозаключения, выводы он черпает из общественной жизни, впитывает в себя то, что дает ему общество, и в этом смысле он — «волна», волна бескрайнего, безбрежного человеческого океана. Вот почему в обществе в разные времена, в зависимости от уровня его развития, господствуют те или другие идеи. Господствуют!.. Но не

1
являются единственными. Ведь нельзя забывать о том, что на свете нет двух одинаковых людей, что каждый человек по-своему неповторим. Словом, речь идет о том, что, хотя от социальных условий целиком зависит направление развития общества, в том числе и господство в нем определенного мировоззрения, сознание каждого человека в отдельности обладает своим индивидуальным характером, своими особыми чертами, оно по-своему воспринимает и преломляет окружающую действительность.

Видимо, для мировоззрения каждого человека в отдельности имеют значение не только жизненные условия, не только окружающая обстановка, но и в какой-то мере индивидуальные качества, свойства этого конкретного человека.

В нашей стране главная социальная основа религии — система эксплуатации человека человеком — полностью ликвидирована Великой Октябрьской социалистической революцией. Но некоторые социальные корни религиозных представлений все же еще сохранились.

По-прежнему есть жизненные невзгоды и неудачи, тяжелые болезни, гибель близких людей, старость, семейные неурядицы, неразделенная любовь, неудачи в работе, в учебе и т. п. И если человек сильный, мужественный, то он постарается справиться с невзгодами самостоятельно. А слабый, не уверенный в собственных силах человек, столкнувшись на жизненном пути с теми или иными сложными ситуациями, может обратиться за утешением к религии, к богу. Не случайно же Карл Маркс назвал в свое время религию сладким самообманом, опиумом народа.

Опиумом! Наркотиком...

«Ну, хорошо,— скажете вы,— перечисленные причины могут привести к религии людей, не знакомых глубоко с наукой, знаниями. Вероятно, для преодоления религиозной веры необходимо широкое распространение научных знаний об окружающем мире и его законах?»

Это соображение, конечно, правильное.

Но какие бы свидетельства науки мы ни приводили, у защитников религии всегда остается возможность сказать: «Мы готовы согласиться с тем, что все ваши аргументы действительно говорят в пользу атеизма. Но ведь вы знаете далеко не всё. Вы же сами говорите, что природа бесконечно разнообразна. Так можете ли вы гарантировать, что в один прекрасный день не обнаружатся факты, свидетельствующие о наличии божественных сил?»

Конечно, это незаконный прием: выставить в качестве аргумента в споре то, что еще не известно никому. Легко спекулировать на том, что есть еще в науке неясного, не исследованного до конца. А подобных возможностей сколько угодно, и чем дальше, тем больше. Ведь стоит науке сделать шаг вперед, ответить на один вопрос, как возникают десятки новых вопросов. Лавина...

Но современные богословы подобным приемом пользуются, и этому не приходится удивляться. Ведь вся система защиты религиозного мировоззрения сплошь основана на применении незаконных приемов.

А психологически это действует... Не так давно на одном атеистическом вечере ко мне подошла девушка, ученица десятого класса, и тоже стала говорить, что вот, мол, слабое это у науки место — ничего она не может сказать о неизвестном.

— О каком неизвестном? — спросил я. — Что вы имеете в виду?

— Ведь мы изучаем ограниченную область Вселенной — не правда ли? Да и о ней далеко не все еще знаем. Ведь так?

— Да, конечно...

— А что там — за границами известного? Доберемся туда когда-нибудь и вдруг... Вы не думайте, — поспешно добавила девушка, — я в бога не верю, у меня и в мыслях нет ничего такого... А вот это как-то меня смущает...

Смущает! Неверующего, атеиста. А что же тогда говорить о верующих?

Этой «неопределенностью неизвестного», неизбежной ограниченностью конкретных фактов, которыми располагает наука, иногда и пытаются оправдать веру в бога.

Может быть, пойти другим путем — попытаться доказать несостоятельность самих основ религии? Исследуя любое из ее положений, мы неизбежно приходим к противоречиям либо с данными науки, либо с жизненной практикой, либо, наконец, с самым обычным здравым смыслом. И тогда у нас окажется прямое, недвусмысленное, убедительное доказательство ложности религии...

Однако сложность дела в том, что, придумав бога и наделив его всевозможными невероятными свойствами, наши далекие предки, сами того не подозревая, создали для будущих защитников религиозных взглядов чрезвычайно удобное оборонительное оружие против любых логических атак. Состоит оно в том, чтобы в затруднительных случаях, когда нелепость тех или иных религиозных утверждений становится совершенно очевидной, ссы-

латься на особые свойства, качества и возможности господ бога, будто бы недоступные пониманию людей. И делается это при помощи всего двух-трех стандартных фраз, которые годятся буквально для любого случая: «Бог все может», «Пути господни неисповедимы» и т. п.

А как же логика, прославленная формальная логика — безотказная система неопровержимо точных рассуждений, с железной последовательностью ведущих к желаемому выводу?

Может показаться, что утверждения защитников религии противоречат даже самой элементарной логике.

Но на самом деле все совсем не так просто.

Ведь что такое формальная логика? Автомат, вычислительная машина, в которую закладываются какие-то исходные посылы и которая выдает нам безошибочный ответ. Безошибочный, если безошибочны посылки. Как проверить? А это уже за пределами логики...

Какие же посылки закладывает в «логическую машину» религия? А как раз те самые: бог — творец всего, он всемогущ, всеведущ, всеблаг, ни один волос не упадет без его воли, пути его неисповедимы...

Но стоит только с этим согласиться, скажем, согласиться с богословами в том, что вера выше разума, как все остальное получается автоматически — стройно и логически неопровержимо. И поэтому в рамках системы религиозных взглядов отдельные утверждения богословов вовсе не являются такими уж нелепыми. Внутри такой логики можно без особого труда найти ответы на любые аргументы, на любые возражения науки. Ответы, хотя по существу ничего и не доказывающие, ничего в себе не содержащие, но зато неопровержимые в своей обтекаемости.

И к этому каждый из нас, вступая в спор с религией, должен быть готов. И отнестись к такой ситуации с достаточной серьезностью. Было бы легкомыслием думать, что здесь все преимущества сами собой на нашей стороне...

С неожиданной отчетливостью я представил себе диспут, в котором участвую в качестве богослова. Некий ученый муж, может быть академик, с явным сожалением смотрит на меня и тихо так говорит:

— Но если бог действительно существует, то почему же он не покажется неверующим и не убедит нас раз и навсегда в том, что он есть?

Не особенно раздумывая, я отвечаю:

— Пути господни неисповедимы...

— Допустим,— усмехается академик,— тогда перейдем к Библии. Вы утверждаете, что каждое слово в этой книге — истина. Но в Библии, скажем, написано, что бог остановил движение солнца по небу, а ведь это физически невозможно...

И снова я отвечаю, не задумавшись ни на секунду:

— Для бога все возможно.

— Допустим,— терпеливо повторяет мой оппонент.— А как вы относитесь к тому, что в Библии утверждается, будто бог сотворил мир шесть тысяч лет назад и сделал это за шесть дней. Надеюсь, вы не станете спорить с тем, что в действительности возраст нашей планеты — не менее шести-семи миллиардов лет.

Я ищу ответ только какое-нибудь мгновение, не больше...

— Что для нас миллиард лет, то для бога — один день...

И снова каверзный вопрос:

— А как вы объясняете все те бесчисленные противоречия, которые нетрудно обнаружить в Библии и других священных книгах?

И опять у меня готов ответ:

— Библию нельзя толковать буквально... — И, немного подумав, добавляю: — И вообще не исключено, что Библия написана особым шифром, который только еще предстоит разгадать.

Вот таким образом... И так можно без конца. Получается непроницаемый, заколдованный круг, из которого последовательного богослова никакими способами не выбьешь. Я особенно хорошо понял это, когда натолкнулся у блистательного французского атеиста и просветителя Дени Дидро на одну поучительную новеллу.

Есть мировоззрение столь же «логически замкнутое», как и религия, так называемый солипсизм. Солипсист считает, что в природе существует только он сам, он один, а все остальное: дома, люди, машины — словом, все окружающее не более, не менее, как его ощущения. Стоит, скажем, человеку закрыть глаза, и все, что он видел мгновение назад, перестает существовать. Дикое, чудовищное предположение, но оказывается, что даже такую странную философию можно, как и религию, упрямо и без конца защищать, если настойчиво придерживаться исходной посылки и быть в известной степени последовательным...

Так вот что я прочитал у Дидро.

Одному солипсисту сказали:

— Видишь, там, в двадцати шагах, кирпичная стена?

— Вижу,— отвечал солипсист.— Стену я вижу, но на самом деле никакой стены там нет. Это только мои ощущения.

— Ну хорошо,— продолжал собеседник,— если стены там нет, беги туда. Раз стены нет, значит, она не сможет тебе воспрепятствовать.

— И побегу,— сказал солипсист.

И побежал. Побежал, добежал до стены, ударился о нее со всего размаха и остановился.

— Ну что? — посмеиваясь, спросил собеседник. — Теперь-то, я надеюсь, ты убедился в том, что стена действительно существует?

— А что, собственно, произошло? — упрямо сказал солипсист, потирая шишку на лбу. — Я почувствовал удар. Но ведь удар — это мое ощущение. Я почувствовал боль, но боль — тоже мое ощущение. Нет, никакой стены нет...

Вот что такое формально-логическая машина и как при желании можно ею пользоваться...

Правда, некоторые изъяны в системе религиозной логики все же можно обнаружить. Еще школьником я услышал шуточный вопрос: может ли бог изготовить такой камень, который он сам не может поднять? Если нет, то он не всемогущ, поскольку не способен сделать «такой камень». Если да, он тоже не всемогущ, так как не сумеет этот камень поднять.

Тогда задачка мне показалась просто забавной, и только. Шуткой... А ведь если разобраться поглубже, это довольно серьезный сигнал о том, что логические построения религии не так уж непогрешимы. Идея всемогущего бога оказывается внутренне противоречивой.

И еще есть некоторые внутренние противоречия. Бог всеслеп, всеведущ, справедлив, всеблаг, и все в мире совершается по его воле. Тогда непонятно, почему вообще существуют атеисты. Ведь бог не только об этом осведомлен, но сам их такими сотворил. И еще более непонятно, почему он, судя по словам богословов, отправляет атеистов после смерти в ад. Ведь этим людям приходится отвечать за то, в чем они, по существу, совершенно не виноваты. Где же хваленые божественные справедливость и доброта?..

Впрочем, и на это богословы находят ответ. Они заявляют, что бог — это нечто особое, к нему нельзя подходить с обычными мерками и вообще он недоступен научному пониманию...

Туманно, но опять-таки логически неопровержимо.

Все же в системе религиозно-логических рассуждений есть существенный изъян. Дело в том, что в формальной логике действует закон так называемого «достаточного основания». Если

та или иная логическая система претендует не только на внутреннюю непротиворечивость, но и на то, чтобы отражать реальную действительность, ее исходные посылки должны быть достаточно убедительно подтверждены на опыте.

Верить можно во все, что угодно, — в любое предположение, в любую нелепость. Но до тех пор, пока это предположение не доказано — и не только с помощью формально-логических рассуждений, но и опытом, практикой, — у нас нет оснований считать его истиной.

Поэтому защитники религии, даже совершенно не считаясь с критикой со стороны науки, в замкнутом круге религиозно-логических рассуждений, строго говоря, могли бы сделать лишь вывод о том, что «бог, может быть, есть, а может быть, его и нет». Для более определенного вывода требуются непосредственные доказательства, выходящие за рамки чистой логики.

Само собой разумеется, что подобный неопределенный вывод относительно существования бога не может устроить религиозных теоретиков.

Впрочем, он не устраивает и атеистов.

Таким образом, с помощью одной лишь формальной логики религию опровергнуть невозможно. Формальная логика органически не способна дать окончательное решение вопроса.

Для этого необходимо другое, более мощное оружие. Оно есть...

Не могу не вспомнить еще одну новеллу Дидро.

Стоят солипсист и материалист на высоком, крутом берегу Женевского озера, на самом краю обрыва.

— Смотри, там внизу озеро, — говорит материалист.

— Никакого озера там нет, — как обычно, отвечает солипсист. — Озера нет, это все лишь мои ощущения.

— Хорошо, — соглашается материалист. — Тогда сделай один шаг. Один практический шаг...

Но вот этого-то практического шага солипсист не делает. Ведь тогда он упадет в озеро и никакой идеализм его не спасет.

И дело тут не в том, что солипсист, так сказать, себе на уме, в стену лбом бьется — ничего, а тонуть не хочет. Тут проявляется глубокая органическая непоследовательность всего субъективного идеализма как теории познания: логически он как будто непогрешим, но расходится с практикой, с самой жизнью.

Практика — вот самое мощное оружие против любого заблуждения, в том числе и против религии.

Во всяком случае, для меня это самый убедительный аргумент.

На протяжении веков множество людей верили во всемогущество бога. Но кто, где, когда видел, чтобы в результате молитвы по воле бога сами собой возникали какие-либо полезные вещи: машины, станки, здания, дороги?..

Религиозная вера остается всего только верой, без каких бы то ни было практических подтверждений — слепой верой.

А за плечами науки множество реальных подтверждений. Оглянитесь вокруг, приглядитесь ко всему, что вас окружает: электричество, радио, телевидение, электровозы, самолеты, комбайны, синтетические вещества и многое, многое другое.

Разве все это не результат творческого труда человека, не создание его мыслящего разума, смело познающего законы природы? Разве все это дал человеку господь бог? А прорыв в космос, в те самые небеса, которые извечно были оплотом религии? Как совместить это с верой в бога?

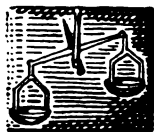
Религиозная вера призывает человека к смирению, обещает ему счастье за порогом смерти, она кормит верующих небесными надеждами на несуществующий загробный мир, она бездейственна и беспомощна.

Другое дело — знание, наука! Наука не только наблюдает и изучает окружающий мир, но и активно преобразует его, чтобы улучшить жизнь людей на земле.

Вот почему я не верю в бога, а верю в человека, в человеческий разум, в его созидательные возможности, верю в науку.

Вот почему я атеист!

РАДИ «ТРЕТЬЕГО»

Да, я атеист. Для меня практический опыт человечества, многовековой опыт науки — решающий аргумент. Для меня... Но поскольку есть люди верующие, значит, этот аргумент не для всех достаточно убедителен. Видимо, он оказался недостаточно убедительным и для Н...

Ведь как бы там ни было, за какими бы логическими построениями и туманными фразами ни скрывались богословы, наука последовательно и убедительно разоблачает религию, показывает ее несостоятельность.

А верующие все же есть... В чем же дело?

Дело, видимо, в том, что религия — это не просто вера в нечто такое, чего не существует, вера в сверхъестественное, в бес-телесный дух, и только... Это и вера в высшую божественную справедливость, в божественное попечение о всем происходящем, в том числе и о каждом отдельном человеке, в божественные предначертания, вера в загробную жизнь, когда каждому воздастся по его заслугам, вера в рай и в ад, наконец, это определенные критерии, позволяющие оценить, что хорошо, что плохо...

А все это вместе — уже не просто вера в нечто отвлеченное, а определенное отношение к жизни, к окружающей действительности, к своему месту в ней. Если хотите, целый нравственный кодекс самоутверждения человека в определенных жизненных условиях и обстоятельствах. Отсюда же и свой взгляд на мир, на его «устройство», на сущность происходящих в нем процессов. Поэтому-то столкновение религиозных и естественнонаучных взглядов неизбежно.

Спор научного мировоззрения с религией... В чем он состоит? Богословы утверждают, что есть бог, а атеисты стремятся доказать, что его нет. И каждая из сторон старается привести в подтверждение своей точки зрения наиболее убедительные аргументы.

Спор как спор? Но так ли это? Если атеисты ссылаются на точные научные выводы, на практические результаты, то их противники каким-то образом умудряются обходиться без всего этого...

Строго говоря, науке с религией спорить не о чем. Это все равно что спорить с приятелем о том, есть ли, скажем, у вас дома телевизор? Вам такой спор просто не нужен. Ведь что бы ни говорил ваш «противник», телевизор-то у вас дома есть...

Но представьте себе несколько иную картину. Вы приглашаете к себе товарищей смотреть передачу очередного футбольного матча, а один из них вступает в спор и начинает их отговаривать, утверждая, что телевизора у вас нет.

И вот возникает странная ситуация. Спор, где победителем может оказаться не тот, кто прав, а тот, кому в конце концов поверят те, ради которых он ведется: приглашенные вами лица. И кто знает, какие аргументы покажутся им наиболее убедительными?

Например, сила... Ваш «противник», здоровенный малый, мо-

жет недвусмысленно предупредить, что каждый, кто примет ваше приглашение, отведаст его кулаков.

Наконец, ваш противник может обратиться, так сказать, к чувствам присутствующих, порассуждать о том, что футбол вообще лучше смотреть на стадионе, что телевизор не способен передать всех подробностей, создать того настроения. И это тоже может подействовать.

И так далее и тому подобное...

А в результате товарищи, которых вы пригласили, могут отдать предпочтение не вам, а вашему оппоненту, хотя на самом деле в вашей квартире стоит вполне реальный телевизор...

Как-то мне довелось познакомиться с отчетами о нескольких крупных дореволюционных судебных процессах с участием известных адвокатов того времени. И меня поразила тактика защиты. Суд в те времена был судом присяжных. Заслушав обстоятельства дела и прения сторон, присяжные должны были вынести обвинительный или оправдательный вердикт — «виновен» или «не виновен».

Особенно заинтересовал меня один процесс: чиновник растратил весьма значительную сумму денег. Но обстоятельства дела были сильно запутаны, и следствие в них так до конца и не разобралось. И если обвиняемый все же оказался на скамье подсудимых, то лишь под давлением косвенных улики.

Как бы поступил в подобном случае современный адвокат? Должно быть, прежде всего стал оспаривать улики, старался бы всеми силами доказать их несостоятельность, убедить суд, что его подзащитный вообще не совершал преступления.

Адвокат же проворовавшегося чиновника — а это был один из знаменитейших юристов своего времени — действовал совершенно иначе. Он даже ни разу не поставил под сомнение вину своего подзащитного. И вообще всячески обходил этот вопрос, словно он не имел никакого значения. Не пытался опровергать доводы прокурора, не вступал в споры со свидетелями.

Зато его защитительная речь изобиловала выражениями вроде: «Поставьте себя на место моего подзащитного», «А как бы вы сами поступили, оказавшись в подобном положении?», «У него не было другого выбора».

Да, тот адвокат вовсе не пытался доказывать, что чиновник не крал. Он стремился убедить судей в том, что если его подзащитный даже и совершил то, в чем его обвиняют, его все равно следует признать невиновным.

Адвокат знал, что делал. Он решал не логическую, а чисто

психологическую задачу. Ведь судьба обвиняемого зависела не от логических рассуждений и строгих доказательств, а всецело от мнения присяжных. И защитник всеми средствами настойчиво добивался того, чтобы это мнение оказалось благоприятным. Он действовал иногда прямо, чаще исподволь и, видимо, будучи тонким знатоком человеческой души, не упускал из виду ни единой мелочи. То он как бы ставил присяжных на место обвиняемого, то взывал к их чувствам, то рисовал воображаемые ситуации, казалось не имевшие никакого отношения к данному делу, но рассчитанные на то, чтобы вызвать у присяжных определенное настроение... Что же касается свидетелей обвинения, то он каверзными вопросами старался выбить их из колеи, создать впечатление, что они, а следовательно, и их показания вообще не заслуживают доверия.

Одним словом, адвокат всеми имеющимися в его распоряжении средствами стремился убедить присяжных заседателей в необходимости и справедливости оправдательного вердикта.

Примерно таким же методом действовал и прокурор, с той лишь разницей, что добивался обвинительного заключения.

Да, это был не тот спор, в котором рождается истина. Во всяком случае, ее никто не искал: каждая из сторон заботилась только о том, как бы склонить на свою сторону присяжных...

До этого мне как-то и в голову не приходило, что, наряду с обычным спором, в котором один человек или одна сторона стремится переспорить другую, убедить ее в своей правоте, может происходить и такой спор, когда обе стороны борются за мнение третьей.

И сразу я подумал: а ведь именно такой спор ведут наука и религия. Это как раз и есть сражение за умы людей.

Конечно, нельзя представлять себе дело так, будто в обществе существует некая безликая сила — «наука», и другая, столь же безликая, с этикеткой «религия», а между ними находится вся основная масса граждан, за мнение которых эти две силы воюют не на жизнь, а на смерть.

В реальном обществе живет и трудится бесчисленное множество людей самых разных возрастов, убеждений, настроений, профессий и специальностей — рабочие, колхозники, писатели, инженеры, артисты, ученые, философы, студенты... И среди них — старики и молодежь, образованные и необразованные, верующие и неверующие... При этом наука и научные методы охватывают все более широкий круг профессий, специальностей, все сильнее воздействуют на общественное сознание и сознание

каждого человека, в том числе и верующего. Защитники религии, отстаивая ее правоту, не могут не пытаться по-своему толковать научные открытия и научные взгляды на мир.

Вот эту-то идейную борьбу двух мировоззрений, стремящихся воздействовать на сознание членов всех слоев общества, мы и можем представить себе как спор науки и религии за «третье лицо», за образ мыслей тех, кто не имеет возможности глубоко знакомиться с достижениями науки и научным мировоззрением.

Вот что такое спор науки и религии за «третье лицо». А сложность в том, что «третье лицо» может делать свой выбор под влиянием не только фактов и логики. И доводы противники науки используют того же порядка, что и в «дискуссии о телевизоре».

Применяли силу, когда могли, — сжигали ученых на кострах.

Стараются посеять недоверие — дескать, нет в науке ничего достоверного, поскольку ее утверждения меняются. А вечные истины можно найти только в религии.

Играют на чувствах: наука, мол, холодна и бездушна. Лишь религия способна принести утешение.

Вот какую необычную и трудную борьбу приходится вести науке против религии.

Насколько же убедительны научные аргументы для «третьей стороны»? Как оценить это? Попытаться взглянуть на эту борьбу со стороны?

Итак, пусть я один из тех, за кого борются.

Я должен постараться войти в роль и смотреть на происходящее с позиций этого человека...

— Но если наука действительно так всемогуща, — говорит богослов, видимо продолжая долгий разговор, — почему же вы нас не опровергнете окончательно?

— Но вы ведь сами прекрасно знаете ответ на этот «каверзный» вопрос, — спокойно возражает ученый. — Согласен, доказать как математическую теорему или с помощью какого-то специального эксперимента отсутствие сверхъестественных сил нельзя. Но я и не знаю такого эксперимента, который доказывал бы их присутствие! А вот то, что наука вполне без них обходится, — это факт, твердо установленный.

— Ну вот и прекрасно, — подхватывает богослов, — следовательно, равновесие. Мы не можем доказать, что сверхъестественные силы есть, а вы — что их нет. Так почему бы нам не жить в мире и согласии?..

«И в самом деле, — думаю я в роли «третьей стороны». —

В самом деле, почему бы?.. Конечно, когда-то церковь расправлялась с учеными. Но это было давно, сейчас ничего подобного нет. Так стоит ли ссориться? Разве нельзя одновременно быть ученым и верить в бога? Или хотя бы не мешать друг другу?»

Мои размышления прерывает ответ ученого:

— Нет, мы не можем жить в мире. Наука не может мириться с обманом. А религия — обман.

— Зачем же такие слова? — с достоинством произносит богослов. — Судить о том, где истина, а где ложь, может только тот, кто знает все, кто сам непогрешим. А наука, во-первых, всего не знает, а во-вторых, она иногда ошибается, во всяком случае ее утверждения нередко меняются.

«Да, с этим нельзя не согласиться, — думаю я и с возрастающим интересом смотрю на богослова. — Ведь это же действительно так, ничего тут не поделаешь. У науки в какой-то момент есть пределы. Мир неизмеримо шире наших знаний. И что-то всегда остается за пределами наших возможностей. Богослов, быть может, не так уж и неправ...»

— А там, где наука теряет возможность что-либо объяснить, вступает в действие откровение свыше, — продолжает богослов. — У науки есть свои границы.

Я напряженно жду, что возразит ему ученый...

— Все разговоры о «пределах», за которыми будто бы существуют какие-то сверхъестественные силы, — только разговоры. Они абсолютно беспочвенны. Вся история, весь опыт развития науки убеждает в том, что любые явления природы, даже самые таинственные и на первых порах необъяснимые, в конце концов всегда находят естественное объяснение.

— Так было до сих пор, согласен, — быстро говорит богослов. — Но кто же может доказать, что со временем в мире не будут открыты такие факты, которые несовместимы с материализмом? Кто сможет это доказать?

«Он в принципе рассуждает совершенно правильно», — невольно отмечаю я.

— О да... — саркастически улыбается ученый. — Ссылаться на «нечто» неизвестное вы сможете всегда. Оно всегда будет. Но неизвестное — неизвестно и потому не может ничего доказывать. А что касается недостоверности, то, делая очередной шаг вперед, наука лишь расширяет и уточняет свои представления о природе. При этом истинное знание только углубляется.

С этим я соглашаюсь сразу. На память мгновенно приходит добрый десяток примеров. Да вот хотя бы с той же механикой.

Ведь было же время, когда все физики, даже начинающие, совершенно твердо знали, что все в мире может быть объяснено и описано механическими законами. Любое явление — известное и то, которое еще не открыто! И вдруг — словно гром среди безоблачного неба. Обнаруживается множество явлений, описать которые механика бессильна.

И все же никакой катастрофы не произошло. Ведь рухнули лишь необоснованные претензии механики на «мировое господство», только и всего. Отныне ей были отведены вполне определенные ограниченные владения. Но в их пределах она по-прежнему осталась королевой.

Впрочем, кажется, я начинаю выходить из роли... А между тем спор ученого и богослова продолжается.

— Не хочу дальше обсуждать эту щекотливую тему, — говорит богослов. — Рассудит нас будущее. Да и вообще, повторяю, у меня нет никакого желания спорить с наукой. Кто же в наше время осмелится утверждать, что она не нужна. Но нужна и религия. К вам люди идут за жизненными благами, а к нам — за утешением и надеждой.

— На вечную загробную жизнь? Сладкий, наивный самообман...

— Этого не дано знать никому. Никто не ведает, что ждет человека за порогом жизни.

— И потому вы обещаете людям золотые горы?

— Мы даем им надежду. А вы отнимаете ее. Вы говорите...

— Правду...

— Во-первых, и правду иногда лучше не знать. А во-вторых, надо еще доказать, что ваша правда — правда.

— И тем не менее религия опровергнута. И опровергнута не двумя-тремя остроумными фразами, а всей практикой, всей жизнью человечества...

Но стоп! Пожалуй, достаточно. Я достиг того, чего хотел. Лучше, отчетливее понял, что может в наше время привлекать человека к религии.

Я пытался представить себе, как мог переубедить Н. некий религиозный проповедник, и отыскать свои собственные ответы на его возможные аргументы.

Только так можно приобрести спокойную уверенность в своей правоте, надежное внутреннее право в любом случае, при любой ситуации — пусть самой таинственной и необъяснимой — все же произнести бесповоротное «нет» религии.

Мично для меня проблемы выбора, что предпочесть — религию или науку, — никогда не существовало. Свой выбор я сделал давно. Но вот вопрос: откуда я знаю, что именно это — правда? Из чего же выросла моя уверенность и что она собой представляет?

Если смотреть правде в глаза, в нашей жизни многое основано на доверии.

Разве не доверяет каждый из нас в детстве жизненному опыту родителей, знаниям учителей, всему, что напечатано в школьных учебниках? А позднее, в зрелом возрасте, мы верим авторитету ученых, друзей.

Все это вполне естественно и не может быть иначе. Конечно, каждый человек должен стремиться к тому, чтобы понять причины явлений, с которыми ему так или иначе приходится сталкиваться. Но если бы каждый был вынужден лично проверять любой факт, с которым встречается, времени бы просто ни на что не хватило, жизнь бы остановилась.

Поэтому очень многое в нашей жизни основано на уверенности. В одних случаях она возникает как результат абсолютно доверия к надежно установленным фактам. В других — складывается под влиянием уважаемого человека. В третьих — рождается просто как следствие привычки, которая иногда способна заменить нам строгие доказательства.

Так почему же такую уверенность я для себя принимаю, а веру в сверхъестественное отвергаю? Есть ли тут разница?

Есть, да еще какая! То, во что верю я, может быть проверено. Все! От начала до конца! Может быть проверено и подтверждено на практике. Моя уверенность, убежденность основана на всей совокупности научных знаний и практических достижений человечества, на современном знании о мире и многовековом опыте ряда поколений.

У религиозной веры такого фундамента нет и не может быть. Хотя бы потому, что ни одно из основных положений религии не может быть проверено. Не только не может, но и не должно проверяться — совсем иной принцип. Больше того, «верую потому, что нелепо», во всеуслышание объявил в свое время один из христианских богословов.

Правда, эти слова были сказаны давно. Но вот что заявил уже в наше время глава русской православной церкви патриарх Алексий: «Если какой-либо из религиозных догматов (то есть основных положений) слишком понятен — значит, что-то в нем не в порядке и его следует пересмотреть...» Верующему не дано права в чем-то сомневаться, что-то проверять, иметь собственное мнение.

Я не хочу сказать ничего дурного о тех, кто верит в бога. Но никто не может отнять у меня права жалеть этих людей, жалеть за то, что они, по существу, превратили себя в рабов — бессловесных и бесправных. Лишили себя едва ли не самого ценного, что дано человеку, — духовной свободы.

Их вера слепа, и поэтому они — ее рабы. У моей уверенности открытые глаза, потому я ее хозяин, потому я свободен.

ПРИМИРЕНИЯ НЕ БУДЕТ!

Вести спор с религией, спор с позиций науки — это значит, прежде всего, опровергнуть те доводы, которые выдвигают в защиту религии современные богословы. И вот передо мной целая гора рукописей, книг и журналов. Отпечатанные на машинке и аккуратно переплетенные тома богословских диссертаций — существуют и такие. «Труды» воспитанников православной духовной академии в Загорске. Журналы с непривычно старинными буквами на обложках — официальное издание Московской патриархии. Материалы Второго Ватиканского собора 1962—1965 годов — всемирного «конгресса» представителей католической церкви. Пухлые фолианты богословских трактатов, изданные за рубежом в разных странах.

Меня в первую очередь, естественно, интересует то, что имеет прямое или косвенное отношение к науке, к познанию мира...

И удивительное дело! Почти никто из современных защитников религии не отрицает значения науки, ее способности познавать окружающий мир.

И это не какое-то личное мнение отдельных богословов, а, так сказать, официальная точка зрения.

Окончательно я убедился в этом, прочитав специальное по-

слание Второго Ватиканского собора «К мыслителям и ученым», принятое в декабре 1965 года.

«Сегодня со всей ясностью проявилась возможность глубокой связи между подлинной наукой и подлинной верой, которые — как вера, так и наука — служат одной-единственной цели».

Что это — отступление? В какой-то мере да. Ведь хотя и с оговорками, но все же признается правомерность научного познания. Между тем в Библии черным по белому написано: «...Во многой мудрости много печали, и кто умножает познание — умножает скорбь».

Может сложиться впечатление, что сторонники религии поняли свои ошибки и наконец признали науку. Ее право изучать реальный мир.

Кстати, сама наука на большее и не претендует. Поскольку она абсолютно убеждена, что, кроме реально существующего материального мира, ничего другого и нет.

Но в том-то все и дело, что современные богословы настойчиво твердят о существовании того, второго, «высшего» мира, без которого материя будто бы мертва...

Да, мир, материя существуют, заявляют они, но материя не могла сама прийти в движение, начать свое развитие. Причина этого движения — бог.

Еще в решениях Первого Ватиканского собора, состоявшегося в 1870 году, так прямо и было сказано:

«Хотя вера и возвышается над разумом, однако между верой и разумом никогда не может быть действительного противоречия: тот же бог, который открывает тайну и внушает веру, дал также человеческому духу свет разума; но бог не может сам себе изменить, и истинное никогда не может противоречить истинному».

Религия предлагает свое «построение» мира. Оказывается, в мире есть два «слоя» — низший и высший. Низший — это материальный мир, мир, доступный научному исследованию, а высший — «мир нематериальных сущностей», на вратах которого начертана неумолимая надпись: «Науке вход запрещен». Здесь и бог и все прочее, что, оказывается, недоступно научному исследованию, чего человек не может обычными способами ни уловить, ни услышать, ни осязать.

Так вот что нам предлагают — компромисс, соглашение. В таком серьезном вопросе религия теперь уже отступает, ловчит. Предлагается разделение сфер. Это вот — науке, а это — религии. И не будем ссориться и мешать друг другу.

Церковь как будто бы готова предоставить науке полнейшую самостоятельность. Однако не будем заблуждаться. Заглянем лучше снова в решения Первого Ватиканского собора.

И прочтем: «В науки не должны проникать заблуждения, противоречащие божественному учению».

И еще: «Науки не должны выходить за пределы своей собственной области, вторгаясь в область веры и ниспровергая ее».

Вот, оказывается, о каком сосуществовании науки и религии ведется речь. Вот какую «самостоятельность» предлагают ученым богословы. Изучайте природу, пожалуйста, но — знай сверчок свой шесток — не преступайте дозволенных «границ».

Мало того...

«Церковь всегда готова предложить вам свой светоч, господа ученые, во всех случаях, когда ваши научные изыскания приведут на порог серьезных проблем, выходящих за область науки», — объявил в 1964 году папа римский Павел VI.

Какие же «проблемы, выходящие за область науки», имел в виду верховный глава католической церкви? Оказывается, речь идет «о происхождении и судьбах человека и Вселенной».

Нам не только предлагают «примирение», не только пытаются убедить нас в том, что вера обладает «духовными ценностями», а наука будто бы не способна решать наиболее принципиальные вопросы и тем самым удовлетворить духовные запросы людей, но и пугают. Да, пугают тем, что любая попытка строить жизнь человеческую без бога будто бы угрожает самому существованию человечества.

Попробуй поддайся, попадись на удочку — и тебе сразу напомнят: «Каждый день мы научаемся чему-то в области естественных и гуманитарных наук... но надо прежде всего понять, что все приобретенное прежде знание привело нас к тому, чтобы стоять перед Ним» [то есть богом]. Это «Журнал Московской патриархии».

А вот специальное заявление папы римского Иоанна XXIII, в котором он приветствует полеты советских космонавтов. Глава католической церкви всячески стремится подчеркнуть, что освоение космоса — это продолжение того «исследования Вселенной, к которому призывает священное писание на своих первых страницах», и выражает пожелание, чтобы «эти подвиги приобрели значение дани человека богу, высшему творцу и законодателю».

Любопытные заявления — ничего не скажешь! Но не производят они на меня особенного впечатления — разве что как пример незаурядного иезуитского хитроумия. Уж слишком прозрачна цель, ради которой они делаются: обратить себе на пользу то, что на самом деле бьет по религиозной вере.

Впрочем, это не только хитроумие — особая стратегия, вызванная к жизни успехами науки. Не случайно же участники недавнего Ватиканского собора выразили явное беспокойство по поводу того, что «человек, слишком доверяя современным открытиям», может прийти к опасному для религии выводу, что «ему достаточно самого себя», и он перестанет искать «чего-либо более возвышенного».

И богословы из всех сил стараются связать успехи современного естествознания с христианской религией, «христианским образом мышления».

...«Тот, кто смиренно и упорно пытается выявить тайны действительности, является, сам того не зная, как бы ведомым рукою бога...»

Так слово в слово записано в решениях Ватиканского собора в официальном документе под названием «О церкви в современном мире».

Точно такой же стратегии придерживается и православная церковь. В этом я убеждаюсь, просмотрев проповеди некоторых православных богословов.

«Первым космонавтом был Иисус Христос, — утверждаетс я в одной из них. — Он первым вознесся на небо и таким образом указал людям путь в космос».

А в другой проповеди я натолкнулся на любопытное «сравнение»: Иисус Христос был сыном плотника, а Юрий Гагарин — сыном столяра.

Нетрудно догадаться, куда ведут эти «параллели», — верующих умело подталкивают к выводу: освоение космоса совершается с ведома господ а бога...

Одним словом, нас стараются убедить в том, что наука тоже «от бога». И хотя все это шито белыми нитками, допускаю, что на некоторых людей подобные соображения действуют. Что-то, а человеческую психологию церковь изучила достаточно хорошо.

Но разве не ясно, что современная церковь заботится вовсе не о поисках Истины, а о борьбе за верующих, за умы людей...

Наука стремится познать реальный мир — каков он есть на

самом деле, и никогда она не сможет безразлично и безучастно взирать на то, что защитники религии стараются внушать людям ложное учение о мироздании.

И потому между наукой и религией нет и не может быть ни примирения, ни «мирного сосуществования».

Борьба продолжается.

Когда-то церковь применяла силу, принуждение, сегодня — уловки, обходные маневры, своеобразную дипломатию. Но, по существу, это та самая борьба между наукой и религией, которая происходит на протяжении столетий...

И которая будет продолжаться до тех пор, пока религия не исчезнет окончательно.

НАДЕЖНА ЛИ НАУКА!

Итак — борьба!.. Но чтобы бороться и побеждать, надо прежде всего знать, с чем бороться. В свое время я слышал выступление одного лектора. Он громял библейскую картину мира.

— Как же можно, — патетически восклицал он, — в наш век освоения космоса утверждать, что Земля — плоская, а небесный свод — хрустальная сфера, к которой прикреплены светильники — звезды!

Но ведь так давно уже никто не думает. В нашу космическую эпоху разве что какой-нибудь неисправимый чудака станет доказывать то, что Земля покоится на слонах и является центром Вселенной.

Плохо считать своего противника глупцом. Еще хуже приписывать ему то, что он и не думает утверждать, и атаковать «ветряные мельницы». А люди, которые стоят во главе современной церкви, далеко не глупцы.

Нет, в своем споре с религией я вовсе не хочу сочинять себе противника, да еще такого, с которым нетрудно расправиться в два счета. Я хочу сражаться с противником реальным.

А противник этот, хотя и предлагает науке «мирное сосуществование», в то же время не прекращает и своих атак. Цель понятна — нанести ущерб всеобщему авторитету науки, бросить на нее тень, подорвать к ней доверие.

Я снова листаю страницы богословских сочинений.

Вот книга под многообещающим названием «Где правда». Издана она в Брюсселе в 1962 году. Автор — Ф. Лелотт.

Написано:

«То, чего достигает наука, остается всегда лишь приближением, которое может быть усовершенствовано, но никогда не соответствует полноте реальности».

Еще одна книга — год издания 1960. Город Фрейбург. На корешке имя автора и название: И. Бохенский, «Путь к философским размышлениям». Каков же этот путь? А вот:

«Прочная и надежная основа — для науки недостижима. Поскольку научные знания уточняются и углубляются, научный метод познания ненадежен».

Довольно прозрачный намек на то, что есть метод более надежный — «религиозный метод».

Кстати, примерно то же самое говорил и митрополит Николай, считавшийся одним из самых сильных «теоретиков» современного православия.

«У науки есть свои пределы. Но есть другая область, область другого, особого знания — это область веры».

«Наука ограничивается явлениями и не проникает в сущность вещей», — объявляет один из современных религиозных итальянских философов Умберто Падовани...

Пытаюсь подытожить — к чему же все эти высказывания сводятся? Итак: наука может познать далеко не все, ее утверждения меняются — значит, науке доверять нельзя.

Но ведь и в самом деле научные взгляды с течением времени претерпевали изменения. На этот счет можно было бы привести много примеров. И особенно знаменателен наш XX век.

Вплоть до конца XIX столетия господствовала физика Ньютона, или, как ее называют теперь, классическая физика. Тогда ученые были совершенно убеждены в том, что все в мире можно объяснить с помощью одной лишь механики. Однако на рубеже XIX и XX столетий их ожидало жестокое разочарование: открылись факты, которые явно не желали укладываться в прокрустово ложе классической физики. Известно, к чему это привело — к созданию принципиально новых физических теорий — теории относительности и квантовой механики, охватывающих гораздо более широкий круг природных явлений и значительно расширяющих наши знания о строении материи.

Были уточнены многие фундаментальные понятия физики Ньютона. Например, оказалось, что такая основная физическая характеристика, как масса тела, не постоянна, а зависит от ско-

рости его движения: чем выше скорость, тем больше и масса. А ведь Ньютон определял массу как количество материи, содержащейся в данном теле, поэтому она по самому своему существу представлялась абсолютно неизменной.

Пришлось пересмотреть, углубить, расширить казавшиеся такими естественными представления классической физики о самом движении тел. А ведь они как будто находили полнейшее подтверждение не только в научных расчетах, но и в опыте. Если бы кому-нибудь из физиков прошлого столетия сказали, что нельзя одновременно точно измерить положение и скорость движущегося тела, он просто посмеялся бы. Но выяснилось, что в микромире действительно складывается такая ситуация. Здесь действует так называемый «принцип неопределенности»: чем точнее мы будем измерять координату микрочастицы, то есть ее положение в пространстве, тем неопределеннее станут наши сведения о ее скорости, и наоборот.

Да, научные представления, научные теории действительно меняются. Но не так, как это стараются изобразить богословы.

Всякий, кто хоть мало-мальски знаком с историей науки, знает, что новые научные данные не только не подрывают, не дискредитируют достигнутые ранее знания, а, наоборот, утверждают и укрепляют их. Именно так совершился переход от классической физики к физике современной.

Между научными и религиозными заблуждениями есть существенное различие. Наука всегда стремится к уточнению и углублению знаний и тем самым к ликвидации заблуждений. Религия же не только цепляется за выгодные ей заблуждения, но и активно насаждает самое главное заблуждение, выдвигая в качестве причины всего неизвестного, а заодно и известного — сверхъестественную силу, бога.

Но внешне и в самом деле может сложиться впечатление, что религия защищает «здравый смысл», а наука всячески стремится его ниспровергнуть. И тем самым все время ниспровергает сама себя...

В действительности же новое знание наносит удар вовсе не по старому знанию, а по старым заблуждениям.

Для прежнего знания устанавливаются лишь более точные границы, а прежние теории оказываются частным случаем новых, более общих.

Куда нанесла удар новая физика? Разве по самой ньютоновской механике? Ничего подобного. Только по ее необоснованным претензиям на объяснение абсолютно всего на свете.

Но ведь это как раз было заблуждением...

Верно заметил знаменитый английский физик Джон Бернал в своей книге «Наука в истории общества»:

«Наибольшая трудность открытия заключается не столько в проведении необходимых наблюдений, сколько в ломке традиционных идей при их толковании. С тех пор, как Коперник доказал вращение Земли, а Гарвей — наличие кровообращения, и до того момента, как Эйнштейн уничтожил старую теорию об эфире, а Планк постулировал квант действия, реальная борьба в науке была направлена не столько на постижение тайн природы, сколько на ломку установившихся идей, хотя бы они в свое время и способствовали развитию науки».

Мы живем в эпоху величайшей научно-технической революции, в эпоху, когда одни научные открытия следуют за другими, когда наши знания расширяются с невиданной быстротой.

Отбрасывая заблуждения, наука все глубже познает реальный мир и его законы. И в этом не слабость науки, а ее величайшая сила.

ВЕЛИКАЯ ГАРМОНИЯ

Просматривая богословские трактаты, я стараюсь отыскать в них что-либо весомое, попытки обосновать религиозный взгляд на мир на уровне современных знаний.

И, кажется, наталкиваюсь на нечто любопытное. Сочинению современного православного богослова под названием «О промысле божьем». Отчеркиваю карандашом заинтересовавшие меня строки.

«Все, что существует, не только создано богом, но им движется и направляется к целям, начертанным божественной премудростью еще до творения Вселенной. Достаточно взглянуть на окружающую нас природу. Везде царит удивительный порядок. Каждое явление, начиная с простейшей былинки и кончая миллиардами звезд, устроено целесообразно, разумно и совершенно. Все несет на себе печать постоянного попечения вседержителя-творца».

Вообще-то говоря, эти рассуждения не блещут особенной новизной. Я уже встречался с точно такими же в богословских

трактатах довольно старых и даже древних. Но как бы там ни было, они требуют достаточно обоснованного ответа. Чтобы эти рассуждения отвергнуть, необходимо доказать, что явления, любые явления, даже самые диковинные, возникают в результате естественного течения событий, определенного законами природы, а не по велению высшего сверхъестественного разума.

В принципе современная наука в состоянии дать и уже не раз давала исчерпывающий ответ на подобные вопросы. Но я по опыту знаю, что именно это — кажущаяся целесообразность окружающего — как раз то, за что, словно за соломинку, упорно держатся многие верующие. Я сам получаю немало писем своих читателей, религиозных людей, которые видят в стройности мироздания проявление божественной мудрости.

Что касается целесообразности живой природы, то естественный отбор и борьба за существование, открытые Ч. Дарвином, в принципе объясняют все. Это знает каждый школьник.

А «стройность» неживой природы?

И правда, на первый взгляд может показаться, что в природе все построено с таким расчетом, чтобы она как можно лучше служила человеку. Наша Земля окружена атмосферой, необходимой человеку для дыхания. Ее обогревает Солнце, через определенные промежутки времени оно скрывается за горизонтом, и тогда наступает темнота, необходимая для отдыха. Имеются вода, которую мы пьем, уголь, который мы сжигаем в топках, металлы и другие полезные ископаемые, из которых мы изготавливаем различные предметы, и т. д. и т. д. Разве не говорит все это, что бог обо всем заранее позаботился, все продумал, как хороший конструктор разработал проект сложного предприятия?

Думать так можно только в том случае, если заведомо игнорировать очевидные факты. Нам известно, что условия, о которых идет речь, сложились на нашей планете задолго до того, как на ее поверхности появился человек. А если бы таких условий не было, то жизнь просто-напросто не возникла бы на Земле. При чем же тут божественная целесообразность?

Что же касается «стройности» мировых процессов и явлений, то и она представляет собой естественный результат действия природных закономерностей, существования неразрывной цепи причин и следствий.

Я стараюсь подыскать какой-либо впечатляющий пример. Вот хотя бы наша Солнечная система. Какая стройная, совершенная конструкция! Все планеты движутся почти по окруж-

ностям, орбиты восьми планет из девяти лежат в одной плоскости; наконец, движение всех планет происходит в одном и том же направлении, а вокруг многих планет существуют свои маленькие планетные системы, состоящие из некоторого числа спутников. И при всем том Солнечная система «надежна» и устойчива. Действующие между планетами силы не могут заметно изменить характер их движения.

Но эта стройность объясняется вовсе не тем, что Солнечная система создана по плану, разработанному и продуманному во всех деталях богом. Ее закономерности сложились естественным образом в процессе развития, в процессе формирования материи из допланетного состояния в планеты. И это можно проследить. Почему, например, отклонения планет от их основных орбит, происходящие под действием взаимного притяжения, никогда не могут превысить критического предела? Ведь все планеты обращаются вокруг Солнца с разными скоростями и их общее взаимное расположение постоянно меняется. Кто же предусмотрел все бесконечное разнообразие возможных случаев? Разумеется, никто. Если бы возмущения планетных движений могли превысить критическое значение, Солнечная система давным-давно распалась бы. Из многочисленных сгущений, которые образовались на определенной стадии развития допланетного облака, сохранились лишь такие, которые двигались по «устойчивым» орбитам. Именно эти сгущения стали «зародышами» будущих планет. Остальные распались.

Но каким образом устойчивые системы возникают? Законный вопрос, на который наука должна дать ответ. Материя бесконечно разнообразна, бесчисленны формы ее движения и конкретные виды, которые она принимает. В ходе ее изменений могут возникать бесчисленные сложные системы. Но только те из них, которые оказываются устойчивыми, способны существовать достаточно длительное время. Все объясняется исключительно действием естественных закономерностей.

Именно течение естественных природных процессов и ведет к формированию устойчивых образований, которые могут показаться устроенными кем-то разумно и целесообразно.

Ни для кого не секрет, что чем выше и массивнее здание, тем более глубокий и прочный фундамент приходится под него подводить.

А вот земная кора, верхний слой твердого тела нашей планеты. Измерения, проведенные в последние годы, показали, что толщина ее (или, вернее, глубина) не везде одинакова. Под

дном океанов она совсем невелика, а в районе больших горных массивов достигает нескольких десятков километров.

Картина как нельзя лучше соответствует инженерно-строительным принципам. Но в архитектуре и строительстве фундаменты специально рассчитываются, исходя из конкретных условий, с помощью известных формул. Кто же рассчитал строение земной коры?..

Здесь архитектором была сама природа, которая действовала «методом проб и ошибок». В период формирования земной коры происходили постоянные передвижения вещества, которые продолжались до тех пор, пока не было достигнуто равновесие. Если бы в каком-то районе планеты толщина земной коры не соответствовала «строительным нормам», передвижения продолжались бы до тех пор, пока это несоответствие не было бы устранено.

Единственным архитектором, строителем всего, что нас окружает, является сама природа.

Поразительная стройность многих ее систем — результат действия естественных закономерностей. К такому выводу с неизбежностью приводит научное изучение реального мира. Что же касается «высшей целесообразности» и «божьего помысла», то все эти религиозные представления не имеют под собой никакой почвы.

ОТ СПОРА К СПОРУ

Я еще и еще раз проглядываю лежащие передо мной религиозные «труды». И обнаруживаю нечто любопытное. Во всяком случае, несколько для меня неожиданное. То, что все приведенные в этих книгах и статьях доводы в пользу религии малоубедительны и не могут противостоять аргументам науки, я знал заранее. Удивило другое: я почти не встретил сколько-нибудь заметных попыток вести спор религии против науки всерьез — тот спор, в котором может проявиться истина. Напротив: по мере того как я знакомился со всей этой «литературой», у меня возникало ощущение, что авторы ни к чему такому особенно и не стремились. А ведь люди они, бесспорно, неглупые и, конечно, знали, чего хотели. Чего же?..

Опровергать истины науки? Нет, этого они по-настоящему делать вовсе и не собирались. Может быть, и не верили в то, что их можно опровергнуть.

Наглядный пример того самого спора, рассчитанного на «третье лицо». Пусть послыжки ложны, доводы ошибочны, рассуждения бездоказательны. Все это не имеет равным счетом никакого значения. Требуется лишь, чтобы «третий» посчитал их убедительными.

Станный это все-таки спор — где может одержать верх не правда, а ложь, не факты, а вымыслы, не разум, а чувства. Но как бы там ни было, приходится считаться с тем, что такой спор возможен, более того — он ведется. И мы — атеисты — оказываемся тут иногда в невыгодном положении. Ведь если речь идет не об установлении истины, а лишь о том, чтобы привлечь кого-то на свою сторону, ложь может оказаться привлекательнее правды, а вымысел — убедительнее фактов. Чувства могут подавить разум...

Что же остается? На вымысел богословов отвечать еще более впечатляющим вымыслом? Лишь бы привлечь на «свою сторону» тех, за кого ведется этот бой?

Нет, такое не для нас! Наше единственное неразменное оружие — правда, только правда! Но парадокс в том, что вымысел способен учитывать желания и стремления человека, а правда есть правда — она может вступать в противоречие с привычным, быть нежелательной, неприятной, в конце концов.

Об этом обязан думать каждый, кто считает себя атеистом.

И для этого спокойно и обоснованно опровергать любые доводы защитников религии.

И что бы там ни вещали служители религии, к каким бы словесным хитросплетениям они ни прибегали, как бы ни взывали к чувствам верующих, стараясь заглушить голос разума, — практические последствия научных открытий говорят сами за себя. Старты космических кораблей, полеты к Луне и планетам, овладение атомной энергией, изобретение радио и телевидения, создание электронно-вычислительных машин — все эти великие результаты научного познания мира производят глубочайшее впечатление на современного человека и, как бы ни хитрили и ни выкручивались богословы, убедительно свидетельствуют в пользу материализма.

Вообще-то было бы справедливо вопрос поставить так: если вы (защитники религии) утверждаете, что есть бог и сверхъ-

естественные силы, то и докажите это. Одно дело нападать на науку и обвинять ее в несуществующих грехах и совсем другое — доказать, что вы сами правы по существу.

Имеются ли в распоряжении современных богословов подобные доказательства? Нет. Никаких.

А почему, собственно говоря, я с таким упорством выискиваю какие-то существенные «антиатеистические» возражения? Зачем мне они?

Говорят, что в споре рождается истина. Кто стремится вперед, тот не убегает от спора, сам ищет его.

Но спор спору рознь. Знал я одного ученого, который в свое время обладал в науке немалым авторитетом и даже силой. Случилось мне побывать как-то на одной дискуссии с его участием. Спорил этот человек весьма своеобразно. С дьявольским терпением выслушивал любые возражения, невозмутимо дожидаясь, пока очередные аргументы противника будут исчерпаны. А затем как ни в чем не бывало продолжал излагать собственные мысли буквально с того самого места, на котором остановился. Соображения своих оппонентов он просто не принимал во внимание — как если бы их вообще не существовало в природе, все пропускал мимо ушей. И так каждый раз...

Это уже не спор, не дискуссия — одна лишь видимость. Я бы сказал: издевательство над спором. Такая дискуссия никому не может принести пользы.

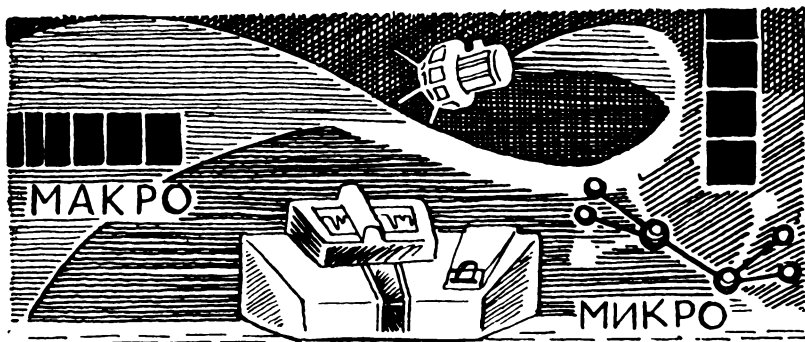
Нет, не всякий спор хорош. Интересен спор с таким противником, который искренне и честно стремится к истине. Умный противник заставит найти такие доводы, которые вам прежде и в голову не приходили.

А нельзя ли обойтись без противника? Ведь возражения можно выдвигать и самому. Самому выдвигать, самому разобраться и опровергать?..

Можно. Именно так и должен поступать каждый думающий человек.

Только тогда я смогу обрести настоящую уверенность в своем атеизме, когда выиграю не только спор с богословами, но и спор с самим собой.

Глава 3

СПОР С САМИМ СОБОЙ

ЗА ГРАНИЦАМИ ИЗВЕСТНОГО

 Мы еще очень многого не знаем. Ведь если задуматься... мир бесконечен. Земля — едва заметная песчинка во Вселенной. А человек? Люди? Миллиарды очень маленьких, очень хрупких существ, уместяющихся на песчинке...

Человек и мироздание! Казалось бы, несоизмеримые величины.

Я физик и астроном, но даже мне не так-то легко ощутимо представить себе расстояние хотя бы до Луны. Когда не так давно на нашей естественной спутнице побывали американские космонавты и шла телевизионная передача с Луны, я вышел на улицу и долго смотрел на желтовато-серебристый диск. И мне стоило немалых усилий убедить себя в том, что передача идет именно с этой Луны, с той самой, которую я вижу на небе.

А ведь это всего только Луна — самая близкая наша соседка во Вселенной. И расстояние до нее весьма скромное, даже не только по астрономическим, но и по современным техническим масштабам: радиосигналы идут до Луны чуть больше секунды, космический корабль летит всего трое суток — столько же, сколько ехать поездом от Москвы до Новосибирска...

Что же говорить в таком случае о других, более далеких пла-

нетах Солнечной системы? Тем более о других звездах, других планетных системах, других галактиках? Я не открываю здесь ничего нового. Гигантские космические масштабы в наше время хорошо знакомы чуть ли не всем. Но в данном случае меня волнуют не эти масштабы сами по себе — другое. Как вместить в человеческий мозг Вселенную?

Один знакомый математик говорил мне, что, когда пытаешься представить себе бесконечность мира, рассудок начинает мутиться.

НЕИЗВЕСТНОЕ ВОЛНУЕТ

Видимо, не случайно подошла ко мне девушка на атеистическом вечере с вопросом: «А как знать, что мы еще откроем?» А в самом деле, что мы еще откроем? Ведь мир, в котором мы живем, устроен довольно странно. Все в нем «разрушается». Падает температура нагретого тела, рассеивают свою энергию звезды, останавливается качающийся маятник, приходят в негодность детали машин и механизмов. А астрономические открытия самых последних лет говорят о том, что основное направление развития в нашей области Вселенной — это распад. Взорвался десять миллиардов лет назад сравнительно небольшой сгусток сверхплотной горячей плазмы, образовав нашу Метагалактику — все то множество галактик, что нас окружает. Истекают энергией маленькие загадочные квазары, излучая ее в сотни раз больше, чем самые гигантские галактики. Взрываются галактические ядра, извергая с чудовищными скоростями огромные газовые массы. Распадаются на части плотные сгустки дозвездного вещества, давая жизнь новым звездам. Распад, распад, распад!.. Взрывающаяся Вселенная! И даже новые космические тела, которые создает природа — звезды, галактики, планеты, — тоже побочный продукт распада. Разумеется, речь идет не о какой-то деградации самой материи, а лишь о преимущественном направлении развития космических объектов.

Ну, а если мысленно пойти вспять против хода времени? Не может же всегда что-то распадаться и только распадаться! Должен ведь существовать и обратный процесс — процесс созидания, «сгущения» энергии. Вероятно, где-то в глубинах Вселенной та-

кие процессы происходят. Мы этого еще не знаем. Нам известно, что созидают живые существа, созидает своим трудом человек!

Неживая природа только разрушает, созидает — жизнь, разум. Но для того чтобы что-то разрушалось, надо, как я уже сказал, чтобы это «что-то» сначала было создано. Чей же разум его создал?.. Этот вопрос невольно приходит на ум.

Как-то я обнаружил в одной очень серьезной книге, написанной известным математиком, такую теорему: «Если дважды два равно пяти, то существуют ведьмы». Другими словами, он хотел сказать, что достаточно хотя бы одного нарушения законов природы, нарушения, которое не может быть объяснено никакими естественными причинами, и это будет означать, что существуют сверхъестественные силы.

То же самое можно сказать и о наличии самих законов природы. Все в мире — любое явление, любой объект — должно подчиняться вполне определенным естественным законам. Еще В. И. Ленин обращал внимание на то, что изгнание законов из науки равносильно протаскиванию законов религии. Если бы нашелся объект, не подчиняющийся никаким природным закономерностям, это было бы равносильно признанию сверхъестественных сил.

Чтобы доказать нарушение законов природы, достаточно хотя бы одного примера. А как доказать их всеобщность, установить, что они не нарушаются нигде и никогда? Может быть, для этого необходимо перебрать все бесчисленные явления природы, известные и неизвестные?

Но ведь это принципиально невозможно!

Вполне ли я сознаю каверзность тех вопросов, которые сам же только что сформулировал? Сознаю — и вполне отчетливо.

Возникают ли у меня в связи с этим какие-либо сомнения, угрожающие моему атеизму? Никаких!

Как-то, когда я размышлял над этими вопросами, мне пришла на ум одна аналогия. Аналогия — это, конечно, еще не доказательство, но все же... Нередко аналогия позволяет понять многое такое, чего не выразить ни формулами, ни строгими логическими рассуждениями. Так вот — аналогия.

Представьте себе, что к нам в страну приехал человек, который абсолютно ничего о ней не знает. Пробыл он несколько дней в Москве и кое с чем познакомился. В том числе узнал, что у нас нет частной собственности, все орудия и средства производства принадлежат народу. Турист — человек из другого мира — был

этим сильно удивлен. Он посетил еще несколько городов, встречался с людьми, беседовал с официальными лицами, побывал на предприятиях и в колхозах, ознакомился с Конституцией — основным законом страны. Затем срок путешествия подошел к концу, и турист уехал. Много ли он узнал о нашей стране за эти несколько дней? Смотря как судить. Если иметь в виду вообще все, что у нас существует и совершается, то гость успел увидеть и услышать лишь ничтожную долю. Чтобы узнать все, не хватило бы и тысячи туристских поездок.

Но ведь дело не только в количестве информации, но прежде всего в ее, если можно так выразиться, качестве, в ее ценности. Военачальник перед боем может получить весьма обширные сведения о противнике, скажем, имена, отчества и фамилии и вообще анкетные данные *всех* солдат противостоящей армии. Но весь этот обширнейший свод данных ничего не стоит в сравнении с коротеньким сообщением о силе противника или о месте и времени предстоящего наступления врага...

Из бесконечного количества сведений, характеризующих жизнь нашей страны, тот турист узнал лишь весьма малую долю. Но то, что он узнал, имеет наиболее важное, существенное, определяющее значение — социалистический строй. И еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: те сведения, которыми уже располагает турист, достаточны, чтобы обеспечить полную и бесповоротную уверенность в том, что этот строй в нашей стране окончательно победил и находит свое отражение не только в тех общественных событиях и явлениях, с какими гость уже ознакомился, но, что особенно важно, и в тех, которые остались ему неизвестными.

Так ограниченное по масштабам знание в какой-то своей части может становиться всеобщим.

Но справедливо ли подобное заключение по отношению и к естественнонаучным представлениям о мире? Другими словами, можем ли мы и в какой мере на основе существующего знания делать обоснованные выводы о том, что пока еще остается неисследованным?

В науке подобный процесс называют экстраполяцией. Это единственный способ научного исследования объектов и явлений, которые на данном уровне развития естествознания находятся за пределами возможностей непосредственного изучения.

В свое время очень хорошо сказал советский ученый профессор Б. П. Герасимович:

«...Мы можем сделать попытку разобраться в вопросах, лежа-

щих по ту сторону нашего опыта, только основываясь на нем же. Это — наша единственная база: вся задача заключается в ее расширении.

Что же дает нам право распространять действие известных законов на неисследованные области явлений и недоступные наблюдениям части Вселенной? Ведь на каждом этапе своего развития естествознание пользуется ограниченным кругом сведений об окружающем мире.

И тем не менее есть весьма убедительные основания для того, чтобы, исходя из существующего ограниченного знания, делать некоторые общие выводы принципиального характера.

На одно из этих оснований указывал знаменитый физик Нильс Бор:

«Самый глубокий фундамент науки — это уверенность в том, что в природе одинаковые явления наступают при одинаковых условиях».

Это соображение, так сказать, философского порядка. Но есть и чисто физические выводы. Было, например, доказано, что причинные связи между явлениями не претерпят никаких изменений, если эти явления мы будем как угодно перемещать в пространстве и во времени. Скажем, один и тот же физический эксперимент будет протекать совершенно одинаково, если производить его в Москве или в Ленинграде, сегодня или через месяц, через десять лет. Физики называют это «однородностью Вселенной на уровне законов».

А это и значит, что основные теории, существующие на современном уровне развития естествознания, несмотря на ограниченность исходного эмпирического, то есть опытного материала, обладают в то же время и определенными чертами всеобщности.

Именно этим обстоятельством и объясняется способность научных теорий описывать явления, которые по тем или иным причинам нельзя наблюдать непосредственно.

Таким образом, ограниченность известной нам части Вселенной, точно так же, как и ограниченность наших современных знаний, отнюдь не исключает возможности распространения имеющихся в нашем распоряжении научных данных на сколь угодно большие области мира.

Еще большей общностью, чем естественнонаучные теории, обладают философские принципы. Диалектический материализм дает более общую картину мироздания, чем те или иные конкретные науки. А следовательно, появляется возможность и более далеких и более фундаментальных выводов.

Но распространять основные принципы материалистической философии, подтверждаемые многовековой практикой человечества и долгой историей развития естествознания, на весь материальный мир, мы имеем полное право.

И в первую очередь это относится к основополагающему принципу диалектического материализма — принципу материального единства мира.

Мы знаем о Вселенной далеко не все. И неизвестное есть неизвестное. От него можно ждать сюрпризов. Неожиданных! Поражающих! Удивительных!..

Но не любых!

Да, мы знаем не все. Но века упорных научных исследований, титанический, самоотверженный труд тысяч и тысяч ученых, бесчисленные практические применения открытий, упорная борьба человека со стихиями не прошли даром. Я не стану сейчас спорить о том, «закончилась» или не закончилась физическая и астрономическая наука, все или не все фундаментальные законы природы нами уже открыты. Но нечто действительно фундаментальное безусловно достигнуто. Я глубоко убежден — того, что мы знаем, достаточно для принципиального вывода: в мире могут происходить самые удивительные явления, самые необычные процессы, кроме одного — сверхъестественного!

Хорошо известно, что большинство законов природы, с которыми нам приходится иметь дело, обладают определенными границами применимости. Другими словами, существуют такие области явлений, где эти законы либо вообще не выполняются, либо не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на течение процессов. Даже такой, казалось бы, всеобщий закон, как закон тяготения, который мы даже называем «всемирным», и тот перестает играть заметную роль внутри атомного ядра, где характер взаимодействия частиц определяется совсем иными силами.

Естественно задать вопрос: не могут ли со временем обнаружиться такие факты, которые покажут, что и закон сохранения материи и движения тоже имеет свои границы применимости? Это означало бы, что в природе есть области явлений, где происходит рождение материи из ничего и ее превращение в ничто.

Ответить на этот вопрос не легко, но все, что мы уже знаем о мире, говорит о том, что закон сохранения материи и движения занимает среди других законов природы особое место.

Во всяком случае, проявление этого закона мы встречаем буквально в любой области физических процессов, и весьма боль-

шое число различных закономерностей может быть теоретически выведено из тех или иных принципов сохранения.

Все это, на мой взгляд, говорит о том, что сохранение — не просто одна из рядовых закономерностей, а одно из важнейших свойств материи.

В истории науки, в особенности науки XX столетия, не раз возникали ситуации, казалось бы, ставившие под сомнение всеобщность закона сохранения материи и движения. Однако всякий раз выяснялась и необоснованность подобных сомнений. Вот один пример.

Как известно, современная астрономия пришла к выводу о том, что наша область Вселенной — Метагалактика — непрерывно расширяется. В связи с этим некоторые ученые, исходя из общих теоретических предположений, подсчитали, что для сохранения средней плотности расширяющаяся Вселенная должна непрерывно пополняться веществом. Откуда же поступает это «новое» вещество? Из ничего — вопреки закону сохранения материи?

Пополнение материей — гипотеза. Но если бы даже она подтвердилась наблюдениями, это вовсе не означало бы, что вещество рождается именно ИЗ НИЧЕГО. Помимо известных нам форм и состояний материи, в природе возможны и другие, еще не известные, еще не изученные. Такие формы и могут служить вполне материальным источником «новых» частиц.

Никаких «очевидных» нарушений закона сохранения материи и движения пока что не обнаружено.

Хотя законы сохранения и весьма общи, вовсе не исключено, что в природе существуют закономерности и еще более общие. Это могут быть какие-то фундаментальные принципы, устанавливающие связь между самими законами природы.

Так что, если когда-нибудь действительно окажется, что закон сохранения не абсолютен, это будет лишь означать, что в определенных условиях явления природы подчиняются каким-то еще более общим законам.

Я ни на минуту в этом не сомневаюсь.

Совсем недавно астрономы обнаружили во Вселенной удивительные, необычные объекты — квазары, взрывающиеся галактики. Взрывные явления, при которых выделяется чудовищная, ни с чем не сравнимая энергия. В недоумении физики — они не знают процессов, способных обеспечить столь большие энергии. С точки зрения современной физической науки, подобные объекты вообще не должны были бы существовать, они «вне ее зако-

нов». Но тем не менее космические взрывы все же происходят, не считаясь с современной физикой.

Богословы уже намекают: а может быть, эти удивительные явления не только «вне законов» современной физики, но и вообще вне законов природы? Не сверхъестественны ли они?

Но сколько уж раз природа преподносила нам самые невероятные сюрпризы. Иногда казалось, что им нет и не может быть никаких разумных объяснений, что перед нами нечто необъяснимое, мистическое. Но всякий раз это только казалось. На первых порах. А потом все обнаруживалось. И причины, и закономерности, и естественные связи. Все становилось на свои места.

Так было всегда. И нет никаких, абсолютно никаких оснований сомневаться в том, что так всегда и будет. Что рано или поздно любое явление природы должно получить исчерпывающее естественное объяснение. Пусть самое невероятное, но не сверхъестественное.

Правда, богословы могут выдвинуть такое возражение: ведь бог мог создать Вселенную вместе со всеми ее законами, так что существование природных закономерностей, мол, ни о чем еще не говорит.

Но если законы природы действительно установил бог, то, по утверждению самих же религиозных теоретиков, результаты многовекового развития естествознания могут и должны дать развернутую картину «божественного творения действительности».

«В достижениях современной физики,— утверждает французский теолог Андре Жорж,— мы читаем букву за буквой бесконечную книгу творения».

Однако ничего подобного в действительности не происходит. Ни физика, ни биология, ни другие естественные науки не только не подтверждают существования бога, но как раз наоборот, каждым своим открытием убедительно доказывают отсутствие сверхъестественного.

На мой взгляд, уже одно то, что природа поддается научному исследованию, говорит о многом.

Я иногда пытаюсь представить себе мир, в котором, наряду с естественными причинами, действовали бы и причины сверхъестественные, наряду с естественными силами — сверхъестественные силы, рядом с естественным, закономерным течением событий творилось бы беззаконие и произвол сверхъестественной воли...

В таком мире не было бы ничего устойчивого, и вряд ли он поддавался бы научному исследованию.

А тот мир, который действительно существует, поддается! Его можно изучать. Находить в нем законы, отыскивать причины, открывать следствия.

Не знаю, как для кого, но для меня это одно из самых убедительных свидетельств против религии. И дело тут не в том, что уже известно, а что еще не известно, сколько мы открыли, а сколько еще осталось,— дело не в этой «бухгалтерии». Тут кое-что поважнее. Ведь окружающее доступно нашему познанию. Доступно!

Это величайший, принципиальнейший факт, который в наше время никто не сможет отрицать.

И все неясное проясняется со временем. Будут открыты и те естественные причины, которые заставляют вновь концентрироваться рассеянную энергию.

Я в этом не сомневаюсь!

В КРУГУ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Есть еще одна проблема. Не такая острая, но и ее надо для себя осмыслить. Речь идет о противоречиях. О тех самых внутренних противоречиях, к которым приводит религиозную систему взглядов представление о всемогущем и вездесущем боге.

Богословы в большинстве случаев стараются уйти от этого вопроса, укрыться за обтекаемыми фразами. А между прочим, дело-то гораздо серьезней. Оказывается, противоречива не только логика религии, но и логика вообще.

Есть поучительная история о разбойнике, которого приговорили к смертной казни. После вынесения приговора судьи предоставили преступнику последнее слово. При этом они объявили, что если подсудимый скажет правду, его повесят, а если он и на этот раз солжет, ему отрубят голову. Разбойник на мгновение задумался и во всеуслышание заявил:

— Мне отрубят голову...

Эти слова повергли судей в ужасное смятение. В самом деле, если после этого разбойнику отрубили бы голову, это означало бы, что он сказал правду и, следовательно, его надо было бы

повесить. Но если бы разбойника повесили, то выходило, что он солгал и ему полагалось бы отрубить голову. А если отрубить голову, то... Получился заколдованный круг, из которого растерявшиеся судьи так и не смогли найти выхода... Вроде бы никаких логических ошибок допущено не было, а между тем логика завела в явный тупик.

Быть может, к этой истории и можно было бы отнестись просто как к забавному парадоксу из развлекательного отдела субботнего выпуска вечерней газеты, если бы парадокс этот не уходил своими корнями в самые основания самой строгой и логической из всех наук — математики.

Да, приходится признать, что в математике есть неустраняемые внутренние противоречия. Во всяком случае, до сих пор избавиться от них никому не удалось.

Есть они и в другой фундаментальной науке — в современной физике. Например, энергия частицы обращается в бесконечность. И электрический заряд... Реальная микрочастица с большими зарядом и энергией. Бред! Не может этого быть. И не бывает. А в теории — есть. И избавиться от этих бесконечностей никак не удастся, хотя физики всего мира упорно добиваются этого уже много лет.

Но не это самое поразительное. Несмотря на все внутренние противоречия — те, что упомянуты, и другие, — несмотря на них, и физика и математика отлично «работают» и приносят надежные результаты, которые подтверждаются на опыте.

И невольно у меня возникла тревожная мысль. Коль скоро точные естественные науки с успехом пользуются противоречивыми, иногда взаимоисключающими представлениями, то так ли страшна противоречивость религиозных положений?

Потом я обнаружил, что не оригинален. Что и некоторые богословы хотя и не столь конкретно, но подобные же соображения высказывают. Довольно известный архиепископ Лука, работы которого высоко ценились русской православной церковью, в одном из своих богословских сочинений прямо говорил, что величайшие научные открытия начала XX века расшатали материалистические устои естествознания и заставили пересмотреть в пользу религии основные положения физики и математики.

И многие другие религиозные теоретики ссылаются на «внутреннюю противоречивость науки», которая будто бы вполне оправдывает и противоречивость религиозных положений. Еще в 1956 году была, например, издана книга «Бог, человек, вселенная». Ее автор иезуит А. Романья — директор обсервато-

рии в Эрбо. «Достижения современной науки,— заявляет он,— подтверждают истинность церковного учения о божестве».

Об этом же недвусмысленно заявил и папа римский Павел VI. По его мнению, если в прошлом научный мир был обособлен и относился с пренебрежением к духовным и религиозным ценностям, то теперь этот мир, осознав всю сложность проблем Вселенной и человека, будто бы утратил веру в возможность самостоятельного развития науки без контроля религии.

Да, наука встречается с противоречиями. И если говорить о внутренних противоречиях физики и математики, то причина их для меня совершенно ясна. Они имеют двойкую природу. С одной стороны, как мы уже знаем, противоречив сам процесс научного познания окружающего мира. И это главное.

Но с другой стороны, нельзя забывать, что противоречива и природа. Та природа, которую изучают и описывают и математика и физика. Борьба противоположностей — она происходит в каждом явлении, на каждом шагу — это тот двигатель, который и приводит все в движение. «...Диалектика,— писал В. И. Ленин,— есть изучение противоречия в самой сущности предметов».

Но если противоречив сам мир, то надо ли удивляться тому, что противоречия обнаруживаются и в содержании наук и что это обстоятельство не мешает им правильно отображать реальную действительность.

Ну, а противоречия религии? Может быть, это тоже вполне допустимые противоречия религиозного «метода познания»?

Но что это за метод? Божественное откровение?

Надо только глубоко верить, объявляют религиозные теоретики, и оно снизойдет на человека и откроет ему божественную Истину.

Но, во-первых, что-то неубедителен подобный способ. А во-вторых, ведь сами богословы утверждают, что откровение не может подвергаться каким бы то ни было сомнениям. Еще бы: ведь оно от бога, а бог непогрешим... Откуда же, в таком случае, противоречия?

Может быть, это противоречия того «мира», который пытается постичь и отобразить религия?

Мне, однако, кажется, намекая на подобную возможность, богословы еще раз просчитались. Я всегда вспоминаю остроумное замечание, сделанное одним известным философом по аналогичному поводу. Когда появилась теория относительности, она принесла с собой понятие так называемого «четырёхмерного

пространства». И хотя это был только математический способ описания некоторых свойств Вселенной, за него сразу ухватились богословы и всякого рода мистики. Они заговорили о том, что четвертое измерение и есть прибежище бога и вообще всего сверхъестественного. Вот именно в связи с этим философ, о котором я упомянул, справедливо заметил, что тем самым богословы усложнили себе задачу по меньшей мере втрое. Если раньше им надо было убедить людей в существовании бога, то теперь, помимо этого, надо было еще доказать, что существует четвертое измерение и что бог именно в нем и находится.

То же и с противоречиями. Если последовательно довести до конца богословские рассуждения на этот счет, защитникам религии придется дополнительно доказывать, что сверхъестественные силы, и в том числе бог, внутренне противоречивы и что религия действительно отражает именно эти противоречия.

В действительности же дело обстоит так: если главная причина противоречий, с которыми встречается наука, состоит в том, что невозможно сразу во всех подробностях отобразить бесконечно сложный мир, то суть противоречий в религии сводится к тому, что все религиозное мировоззрение в целом противоречит окружающей нас реальности.

Вот потому-то современные религиозные теоретики и стремятся всеми силами создать впечатление, что между научными данными и религиозными «истинами» есть много общего. И что научное исследование мира будто бы с неизбежностью приводит к религиозным выводам.

Не случайно одним из важнейших решений Второго Ватиканского собора было указание «приспособить, насколько это возможно, учение Христа... к требованиям образования».

Служители современной церкви, пояснял собор, должны уметь сочетать данные новых наук с христианским образом мышления.

Как известно, с этой целью при Ватикане — центре католицизма — была даже создана папская академия наук. Ее президентом до 1966 года был известный бельгийский космолог и католический аббат Жорж Леметр, один из авторов теории взрывного расширения Вселенной из сверхплотного «первоатома». Кстати, очень многие религиозные теоретики и по сей день пытаются связать эту теорию (теорию расширяющейся Вселенной), взрыв которой привел к образованию Метагалактики, с актом божественного творения.

Космос имеет историю, которую можно проследить до самого

начала, утверждает, например, западногерманский католический теолог Марсель Рединг.

И хотя слово «бог» здесь явно и не произносится, цель подобных рассуждений — подвести к выводу о божественном творении. Об этом прямо заявляет другой католический теолог, П. Тиволье. Комментируя теорию расширяющейся Вселенной, он без всяких обиняков делает заключение: Вселенную создал бог.

Однако религиозные теоретики просто-напросто искажают научные факты. Да, действительно ученые пришли к выводу, что несколько миллиардов лет назад материя в нашей области Вселенной находилась в ином состоянии, чем в современную эпоху. И возможно, это было состояние сверхвысокой плотности. Но ведь материя существовала всегда, и никакого акта творения не было и быть не могло.

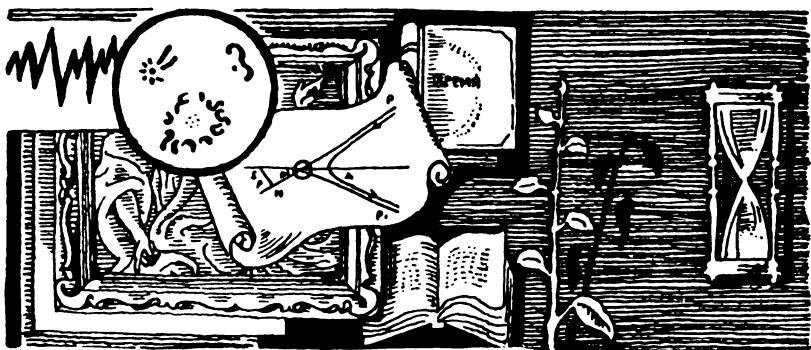
Кстати сказать, сам Леметр отнюдь не связывал свою гипотезу с актом божественного творения, а, наоборот, всячески подчеркивал, что она лежит в стороне от религиозных вопросов, носит чисто физический смысл и не прибегает к помощи каких-либо таинственных сил.

Ни астрономические данные, ни данные каких-либо естественных наук не дают абсолютно никаких оснований для религиозных выводов.

Если бы сверхъестественные силы в самом деле существовали, то в окружающем нас мире должны были бы происходить явления, нарушающие естественные природные закономерности.

Однако за всю многовековую историю науки ни одного такого явления зарегистрировано не было...

Глава 4

ЗАЧЕМ ЖИВЕМ...

ПУТИ И ЦЕЛИ

У меня умер друг. Ему было всего тридцать четыре года. В таких случаях в некрологах обычно пишут: «Безвременно ушел в расцвете творческих сил». Безвременно... Уже несколько лет он работал над новой книгой — собирал материалы, размышлял, делал черновые наброски. Болезнь настигла его в тот самый момент, когда мечта стала наконец воплощаться в жизнь. Он еще не знал, что беда непоправима, но торопился — работал напряженно, изо всех сил. Не успел...

Он сражался до последнего. Каждую передышку в борьбе с болезнью использовал для работы. Но таких передышек становилось все меньше...

Он умолял врача: дайте мне хотя бы еще несколько дней, я должен записать самое главное. Врач промолчал. Дней! Он уже не мог вырвать у болезни и нескольких часов...

Я сидел возле постели моего друга, и меня угнетала бессмысленность происходящего, невольно одолевали черные мысли... Безвременно умер. Безвременно!.. Какая нелепость! Несправедливость!

Я видел безвременную смерть на войне. Там она стала при-

вычной, чуть ли не естественной. Должно быть, потому, что неестественна сама война. Но тогда, в борьбе с захватчиками, советские люди, не жалея собственной жизни, защищали и утверждали жизнь в самом широком значении этого слова.

А сейчас... Человек мог бы еще жить да жить. Но вот он уходит, так и не завершив, быть может, главного дела своей жизни. После того как жизнь кончилась, человек ничего не видит, не слышит, не ощущает, он уже не мыслит. Зачем он в таком случае вообще появляется на свет? Чтобы умереть? Чтобы каждый прожитый день приближал его к могиле? Так, может быть, самое большое счастье — не родиться?

Все мы задумываемся над этим уже со школьной скамьи. Но в юные годы старость, смерть, болезни — все это где-то очень далеко, бесконечно далеко. В этом возрасте то и дело подгоняешь время: «скорее бы летние каникулы», «скорее бы окончить школу», «скорее бы окончить институт»... И еще так: «успеется, не сегодня, так завтра».

Но когда становишься постарше, начинаешь ценить уходящее время и уже не бросаешься с такой беспечной легкостью годами, месяцами и даже днями. Начинаешь дорожить каждым прошедшим днем, пусть даже он был самым обычным.

Но с годами все чаще и чаще врывается в мозг проклятый вопрос: жить, чтобы все равно умереть, уйти... перестать быть?.. Каждый час, каждую минуту настоящее превращается в прошлое, что-то безвозвратно уходит, чтобы никогда уже не повториться.

Тогда зачем все? В чем смысл? Неужели нет никакой хотя бы самой маленькой надежды? Современная наука успешно борется с болезнями, пересаживает внутренние органы, увеличивает продолжительность жизни, даже воскрешает умерших. Ученые, заглядывая в будущее, всерьез говорят о победе над старостью и даже о бессмертии. Но это будет еще не скоро.

А вот религия обещает. Теперь. И не какие-нибудь двадцать, тридцать или даже сто лет, а жизнь вечную, вечность! Все-таки надежда — хоть и маловероятная, наивная, а все-таки надежда. И с этой надеждой, как утверждает религия, человеку легче умереть. А вдруг?

Долгие столетия на этом главным образом все и держалось. Но почему-то мне кажется, что сейчас мало кто рассчитывает всерьез, что за порогом смерти для него начнется новая, вечная жизнь, — ни рядовые верующие, ни даже сами богословы, хотя об этом прямо, разумеется, и не говорится. Впрочем, церковь

сейчас довольно откровенно заботится больше о земных, нежели о небесных делах.

Но что же все-таки происходит с человеком после смерти? Пожалуй, это тоже один из самых жгучих вопросов.

Живет человек в труде, в общении с другими людьми накапливает информацию об окружающем мире, накапливает опыт. Вырабатывает свой оригинальный способ мышления. Словом, все то, что составляет неповторимое человеческое я. И вот все эти бесценные сокровища исчезают вместе с человеком, когда он уходит из жизни. С этим трудно примириться даже тогда, когда смерть настигает человека в глубокой старости. Но с этим просто невозможно примириться, когда люди умирают молодыми, в расцвете творческих сил, и с ними бесследно и безвозвратно уходит все то, чего они не успели совершить.

Я часто с необычайной остротой задумываюсь над тем, как много потеряло человечество, все мы из-за того, что Пушкин и Лермонтов погибли так рано. Сколько чудесных поэм и стихов мы никогда не прочтем! Никогда. Они не были написаны. А сколько замечательных произведений могли бы еще создать Моцарт, Грибоедов, Рылеев, Чехов, Гайдар...

Все в нас возмущается, протестует против этой несправедливости, нелепости. Неужели мы совершенно, абсолютно бессильны — все человечество, наука, — неужели ничего, ничего нельзя сделать?

А религия рисует заманчивую картину бессмертия души...

Именно с мистическими представлениями о душе, будто бы способной пережить человеческое тело, связаны и всевозможные спиритические суеверия — попытки общаться с душами умерших людей.

А что же наука? Тем и отличается наука от религии, что, вместо того чтобы заниматься беспочвенным самообманом, она всегда стремится выяснить истинное положение вещей, узнать правду. Когда ученые берутся за какую-либо проблему, они ищут одно из двух: либо ее решения, либо «запрета» — закона природы, который показывает, что такого решения не может быть вообще.

Именно так произошло, например, с замечательной идеей вечного двигателя. Закон сохранения убедил нас в том, что устройство, работающее без затраты энергии, построить принципиально невозможно.

Как же решает наука вопрос о гибели человеческого сознания?

Тут есть два пути. Один: продление человеческой жизни, борьба со старостью. Биологи, медики, физиологи единодушны в том, что семьдесят — восемьдесят лет отнюдь не предел. Многие факты настойчиво говорят, что человек может жить сто пятьдесят лет и все это время сохранять здоровье, бодрость духа, творческие силы.

Некоторые ученые настроены еще оптимистичнее. Они предсказывают, что уже где-то в середине грядущего двадцать первого столетия люди, благодаря успехам науки, обретут бессмертие, и путь, который указывает человечеству наука, — это не просто благие пожелания. Уже современные ученые настойчиво трудятся над выяснением главного вопроса: что же такое старость? Почему человек стареет и умирает, дерево живет многие сотни лет, а одноклеточное существо — амеба — практически бессмертно? Почему?

Возможно, старость — это своеобразная болезнь, от которой человека можно лечить, как от ангины или воспаления легких. Лечить и вылечивать?

Но не исключено, что старость — это просто накопление ошибок. Ведь наш организм — очень сложная саморегулирующаяся система. И как во всякой сложной системе, в нем постепенно должны накапливаться ошибки. Они накапливаются даже в таком точнейшем устройстве, как астрономические часы... До поры до времени организм еще справляется с нежелательными отклонениями, но потом наступает критический момент и начинается увядание...

Наконец, некоторые ученые предполагают, что с возрастом в организме человека постепенно собираются всевозможные «шлаки», словно накипь на стенках парового котла после долгой работы. Вот эта-то накипь и вызывает старение.

Как же бороться со старостью? Все зависит от причины. Может быть, нужны особые лекарства. Может быть, надо время от времени подправлять нашу «кибернетику», устранять накопившиеся ошибки. А может быть, удалять вредные «шлаки»?

Но пока еще люди смертны. Смерть, увы, бывает безвременной. Хотя благодаря успехам науки средняя продолжительность человеческой жизни неуклонно увеличивается. А в нашей стране долголетию способствует и весь строй жизни.

И все же вопрос, о котором идет речь, — пока еще один из самых животрепещущих. Здесь-то с особенной отчетливостью можно увидеть разницу между наукой и религией.

Мне несколько раз приходилось слышать от верующих людей

примерно такие рассуждения: «Возможно, загробного мира и не существует, но, веря в него, легче жить и легче будет умирать...»

Вот здесь-то все и обнажается. Чтобы привлечь и удержать верующих, религия не скупится на самые безответственные обещания, охотно использует человеческие слабости.

Но, может быть, это «спасительный» обман, так сказать психотерапия, и ничего плохого в нем нет?

Есть!

Несбыточные надежды тем страшны, что побуждают ничего не делать, а, как говорится, сидеть у моря и ждать погоды.

Наука не волшебник. Далеко не каждую задачу она способна решить немедленно. Но в отличие от религии — и это, пожалуй, самое главное, — наука не пытается создавать успокоительных иллюзий, она нацеливает на труд, быть может упорный и длительный, но зато способный принести реальные результаты. И многие крепости уже пали под ее натиском...

И вот еще о чем я нередко задумываюсь в связи с вопросом о жизни человеческой и смерти. Сейчас люди в среднем живут около семидесяти лет: одни больше, другие меньше, но в среднем около семидесяти. А в каком-нибудь XV—XVI веке смерть к тридцати — тридцати пяти годам была обычным делом. Редко кто доживал до преклонного возраста. Опустошительные эпидемии уносили сотни тысяч жизней.

Против большинства болезней, по существу, не было никаких лекарств. Но если все совершается по воле божьей, то почему же бог создал столь неравные условия для современников различных эпох?

Или мы и на этот раз получим ответ о неисповедимости путей господних?

Да, в вопросе о жизни и смерти религия явно проигрывает науке.

А в том, другом, не менее остром вопросе: зачем мы живем?

Православные богословы заявляют, что если земная миссия человека и обязывает его способствовать прогрессу, то лишь «соответственно замыслу божью», чтобы, осваивая открытые богатства Вселенной, обеспечивать земное и потустороннее благополучие... Потустороннее!

Как-то папа римский сказал: «Главный закон существования человека — восхваление громким голосом господ бога».

Жалкий удел! Рабский удел! Трудно с таким согласиться —

ограничить цель своей жизни столь бесславной и бессмысленной задачей...

Но если и в религии не найти ответа на самый острый из всех острых вопросов — зачем же все-таки мы живем, — то где же еще его искать? У науки? Но ведь именно наука отобрала у человека сладкую иллюзию вечной загробной жизни...

И все-таки у науки! Только она способна давать верные ответы.

Зачем мы живем?

Не так давно я спросил у известного советского философа академика Г. И. Наана, человека, мыслящего свежо и оригинально:

— В чем смысл человеческого существования?

Он ответил почти мгновенно, видимо, и сам не раз думал над тем же:

— Смысл нашего существования — в существовании!..

Я не сразу оценил глубину ответа. А когда разобрался, понял, что это и есть ответ наиболее точный, исчерпывающий, единственно верный. Но совсем не такой простой, как может сперва показаться.

Человека создала природа и при этом не ставила перед собой никаких целей — природа, Вселенная вообще не может ставить какие-либо цели, по крайней мере в обычном смысле этого слова. И с этой точки зрения, назначение человека — существовать. Весь вопрос в том, как существовать, во имя чего, к чему стремиться.

У природы нет никаких целей, потому что у нее нет разума; человек — существо разумное, и цель, вернее, цели у него быть должны.

В разные эпохи и у разных людей бывали различные цели: личные и общественные, хорошие и плохие, благородные и корыстные... Но я сейчас не об этом.

Не буду я напоминать и общеизвестные вещи, которые все мы хорошо знаем. Какие сегодня цели у нас, советских людей, что мы создаем, к чему стремимся — это знает каждый гражданин нашей страны.

Но хочется еще осознать смысл своего существования, как человека и разумного существа, как части природы. Потому что в конечном счете и все конкретные повседневные цели человека вытекают из этого его положения.

У природы нет разумных целей. Но есть в ней всеобщая взаимозависимость, цепи причин и следствий, направления разви-

тия. И если появилось в природе разумное существо — человек и тем более человеческое общество — логично предположить, что и она должна занимать определенное место в этой взаимосвязи, служить одним из звеньев в развитии материи.

И чтобы понять смысл существования, надо, видимо, и начинать с того, чтобы постараться осознать это свое место.

Главная отличительная черта человека — способность к созиданию.

Но много ли может человек? Могут ли его усилия играть хоть сколько-нибудь заметную роль в космических масштабах?

Вот что подсчитали ученые. Уже сейчас человечество стремительно расширяет свои энергетические возможности. Так вот, если наши энергетические ресурсы будут расти хотя бы так же быстро, как теперь (а на самом деле это процесс, который идет все быстрее и быстрее), то уже через сотни лет люди овладеют энергией, сравнимой с энергией Солнца. А через 2600 лет — энергией, сравнимой с энергией всей нашей звездной системы — Галактики.

Владея такими энергиями, человек сможет влиять и на космические процессы и созидать уже не только в пределах своей родной планеты, но и в галактических масштабах. А это уже свершения космического, вселенского порядка!.. Задача грандиозная и заманчивая.

Галактические энергии — дело будущего. Но это будущее наступит только при условии, что мы будем бороться за него уже сегодня.

Можно, конечно, возразить: через две с половиной — три тысячи лет? А нам какое до этого дело? Нас-то к тому времени не будет. Но будет существовать человечество, частью которого является каждый из нас. И нам не может быть безразлична дальнейшая, пусть даже весьма отдаленная, судьба земной цивилизации, в развитие которой и мы вкладывали свой труд и свои способности.

К вопросу о человечестве мы еще вернемся. А сейчас попробуем разобраться в другом. Мы говорили о грядущем могуществе людей. Но придет ли оно само собой?

Если природа создала существо, способное познавать мир и перестраивать его, то это существо — человек — и должно выполнять свою основную функцию — познавать и перестраивать мир. И делать это как можно более осознанно.

Вот что кроется за несколько парадоксальной формулой: смысл существования — в существовании...

Смотря как существовать..

Умирал один старик. Не то чтобы знакомый, сосед по дому. Я помнил его еще с детства. Он всегда жил один... И вот теперь умирал от старости.

Я навесил его. Он лежал в постели, высохший, сморщенный, натянув до подбородка теплое ватное одеяло.

— Мне есть что вспомнить, — говорил он, и на его губах блуждала удовлетворенная улыбка. — Прожил без волнений, ничего со мной не случилось, никаких происшествий... в больницу не попадал, руки-ноги не ломал... Рак, инфаркт — всего избежал... Перехитрил я жизнь...

Дикой, противоестественной показалась мне эта улыбка на лице умирающего человека. Умирающего, который радовался тому, что в его жизни ничего не было — ни дурного, ни хорошего... И его такая жизнь, видимо, устраивала, к этому он стремился. А по существу получается, что и жил-то он только для того, чтобы как можно спокойнее умереть. Растительное существование!

Не знаю, верил ли этот человек в бога. Но если задуматься, именно к такому существованию и призывает религия. Чуть ли не с рождения готовить себя к загробной жизни. Жить ради того, что будет после смерти. Думать только об этом. Безрадостная перспектива.

Да смотря как существовать!

Религия разобщает. Каждый стремится к чему-то в одиночку, каждый умирает в одиночку. Сам завоевывает себе «райское блаженство».

Но человек не должен быть одиночкой. Человек сам по себе, один, без других людей, — ничто. Перестраивать мир, созидать в одиночку невозможно — только сообща. И чем грандиознее задача, тем коллективнее должны быть усилия.

А для этого человеческое общество прежде всего должно существовать и быть жизнеспособным. И свободным от раздражающих противоречий. Так что коммунизм, к которому мы стремимся и который строим, — это не просто светлая жизнь, когда каждый будет отдавать по способностям и получать по потребностям; коммунизм — это еще и наилучшая, идеальная организация общества для познания и созидания. И, способствуя скорейшему достижению этого идеала, каждый из нас и оправдывает наилучшим образом свое существование как разумного существа.

Что же касается ограниченности человеческой жизни... Бесмертие заманчиво. Только достигается оно совсем не тем путем, который рекламирует религия.

«Природа старается бороться со смертью количеством своих семян: сколько-то выживет,— и так продолжается жизнь,— писал известный советский писатель, глубокий знаток природы, Михаил Пришвин.— Мы, люди, за свое бессмертие боремся не количеством, а качеством, и так стараемся создавать бессмертные вещи».

Да, человек смертен. Каждый отдельный человек. Но каждый человек — часть общества, которое способно существовать неизмеримо дольше. И когда человек уходит из жизни, общество остается. На Земле будут жить его потомки, и потомки его современников, и потомки их потомков. Поколение за поколением... Каждый человек трудится не только для себя, но и для потомков. Вот в этом-то труде и заключено его бессмертие. И, если хотите, в нем и самая высокая романтика.

Тут можно, конечно, улыбнуться и посчитать только что прочитанные фразы за некое довольно тривиальное и довольно надоевшее наизидание. Однако все это далеко не так уж тривиально, как может показаться. Мы часто говорим «бессмертный Ньютон», «бессмертный Ломоносов» и при этом не особенно задумываемся над истинным значением этих словосочетаний. А ведь если разобраться — это не просто. Ломоносов умер, но добытая им информация осталась в распоряжении человечества и продолжает служить ему. И так из поколения в поколение не только гении, но и каждый трудящийся член общества оставляет ему в наследство некоторую дополнительную информацию, не только научно-технические открытия, но и жизненный опыт, произведения искусства и т. п. И в этом смысле каждый человек может быть бессмертным.

Сохранение земной цивилизации, ее развитие, совершенствование, прогресс, переустройство мира — вот вдохновляющая, сияющая цель, ради которой стоит жить, трудиться, бороться, преодолевать трудности!

И разве может эта величественная работа сравниться с бесперспективной, жалкой миссией восхваления божества? Или всепоглощающей заботой о том, чтобы обеспечить себе несуществующее райское блаженство за гробом? А ведь именно это предлагает человеку в качестве смысла жизни религия!

История борьбы с религией поучительна для всех. Но не только тем, что помогает каждому из нас утверждать свои атеистические взгляды. Надо смотреть шире. Что такое религия? Только ли бог или, может быть, еще и что-то другое, скажем слепая вера, пассивное отношение к жизни, к окружающему, друг к другу, покорность «судьбе»...

Пожалуй, главное в конце концов даже не в том, во что именно верят, а в том, что верят слепо, что такая вера оторвана от знания, от практики жизни.

Древние египтяне свято верили, что фараон — это живой бог. Обожествовали своих императоров и китайцы. Хотя и фараоны и императоры были такими же людьми, как и те, кто им поклонялся.

Это было давно... Но, как ни странно, всякого рода суеверия могут рождаться и в наш научный век — более того, их может рождать сама наука. Без бога, без сверхъестественного, но тем не менее самые настоящие суеверия!

И что уж самое парадоксальное — подобные суеверия связаны не столько со слабостями науки, сколько с ее несомненным могуществом.

Наука — это не какой-то свод непогрешимых правил, а непрерывный, постоянный, непрекращающийся процесс познания мира. Вот о чем мы иногда забываем. И тогда нам начинает казаться, что наука уже сегодня может все. Что она способна решить любые задачи, ответить на любые вопросы. Не превращаем ли мы таким образом науку в идола, которому незаметно для себя начинаем поклоняться?..

Да вспомните хотя бы, как некоторые современные фантасты изображают науку будущего. Вроде этакой могущественнейшей богини, безраздельно правящей миром, которой жрецы-ученые, оторванные от внешнего мира, торжественно служат в своих научных храмах.

Так чем это, в конце концов, отличается от языческих верований наших предков, поклонявшихся идолам? И дело тут даже не только в сверхъестественном, а в том, что «чему-то» приписывают некие всеобщие качества и свойства, которыми это «что-то» в действительности не обладает. Конечно, наука — это не

бессловесная каменная статуя, какие мы находим в древних храмах, наука многое может. Но может — не все!..

Разумеется, мир познаваем. Но только мы не всегда правильно это понимаем. Мир познаваем в принципе — в нем нет ничего такого, что было бы принципиально недоступно пониманию человека, нет ничего потустороннего. Но, во-первых, мир еще не познан: он бесконечно разнообразен и в нем всегда будет что исследовать. А во-вторых, наука — ведь не единственный способ познания. Есть, например, еще искусство, которое тоже исследует действительность, но исследует ее своими методами...

Одним словом, нельзя допускать, чтобы наше доверие к науке, к ее результатам и возможностям перерождалось в безграничную слепую веру. Ведь слепая вера — по существу разновидность религии, обожествления. А обожествление уже тем плохо, что превращает обожествляемое в нечто абсолютное, оторванное от своих естественных причин.

Однажды в троллейбусе я невольно стал свидетелем поучительного разговора. Беседовали два человека, видимо научные работники. Один помоложе, другой постарше. Речь шла о каком-то научном эксперименте, который предлагал осуществить молодой ученый. Второй возражал.

— Этот эксперимент не имеет абсолютно никакого смысла, — убеждал он, разводя руками. — Вы понимаете — абсолютно. Ведь он же явно, совершенно явно противоречит теории Сергея Сергеевича.

— Но предварительные опыты говорят иное, — защищался молодой.

— Вы хотите сказать, что Сергей Сергеевич ошибается?

— Не знаю... — замялся молодой. — Но ведь... факты.

— Сергей Сергеевич не может ошибаться, — безапелляционно заключил старший. — Я работаю с ним уже двадцать лет, и он еще ни разу не ошибся. Понимаете: ни единого!..

Молодой, видимо, хотел что-то возразить, но как раз в этот момент троллейбус остановился и оба поспешили к выходу. До меня донеслись слова, сказанные уже на ходу тем, что постарше:

— Поймите, ведь Сергей Сергеевич — это...

Они вышли, и я так и не услышал конца фразы. Но, пожалуй, я мог бы закончить ее и сам. Из того, что я услышал, было совершенно очевидно, что Сергей Сергеевич — не кто иной, как... бог. Ведь только бог никогда не ошибается — так, по крайней мере, думают верующие, и каждое его слово на вечные времена остается нерушимой, непререкаемой истиной.

Разумеется, мнение того или иного человека заслуживает тем большего внимания и уважения, чем больше у него опыта и знаний. Но никакой авторитет сам по себе еще не является доказательством. Доказательством может служить лишь соответствие истине, реальным фактам, практике. А если за каким-либо утверждением стоит только авторитет и ничего, ничего больше — авторитет традиций, громкого имени, привычки, — это очень похоже на религию. Без бога, без церкви, без молитв — но религия.

Пожалуйста, не подумайте только, что я призываю к ниспровержению всех и всяческих авторитетов, без смысла и разбора. Есть люди, за спиной которых громадный жизненный опыт. Опыт — опыт человечества, опыт отдельных людей — бесценный клад. Что бы мы без него делали? Всякий раз начинали бы с самого начала?

Именно опыт позволяет двигаться вперед, рождает счастливые озарения, оригинальные идеи, остроумные решения. Незнайки никогда еще не делали открытий. Но опыт только до тех пор способствует прогрессу, пока он служит трамплином для прыжка в неизвестное, а не глухой стеной, воздвигнутой вокруг старого и охраняющей его во что бы то ни стало. Если же случается такое — опыт оборачивается догмой, — и тогда беда.

Опыт и авторитет — родные брат и сестра. Но это значит — трижды ответственность! К слову авторитета прислушиваются, его воспринимают как истину, как откровение. И тот, кто пользуется авторитетом, заслужил его, не имеет права забывать об этом. Каждая его мысль, каждая догадка, каждый вывод должны быть «семь раз отмерены» и обоснованы, прежде чем претендовать на то, чтобы стать рецептом.

Познание мира не прогулка. Тут нет легких, простых дорог, неизбежны трудности, отступления, даже ошибки...

Да, от ошибок, от неправильных выводов и заключений в науке никто не застрахован. Как говорится, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Главное в том, чтобы вовремя понять и признать свою ошибку, исправить ее, а не превращать ложное утверждение в фетиш, не навязывать его другим только потому, что оно принадлежит тебе и ты не хочешь признать свою неправоту.

Наука по самому существу своему — злейший враг всяческих догм. Ибо наука — это не мертвый свод всевозможных правил и положений, а живой процесс, процесс непрерывного и все более глубокого познания мира. «Истина есть процесс», — говорил

В. И. Ленин. Каждое новое открытие, каждый шаг вперед так или иначе связаны с преодолением каких-то устаревших взглядов, с пересмотром тех или иных устоявшихся представлений. Недаром выдающийся физик Нильс Бор сказал как-то, что новая физическая теория должна быть обязательно... немного сумасшедшей... То есть вступать в противоречия с существующими теориями, с общепринятой точкой зрения.

Сколько возражений на первых порах вызывали такие новые теории, как теория относительности, теория электромагнитных волн, квантовая теория. Можно вспомнить и то, что сравнительно недавно, в начале 50-х годов, многие крупные физики считали, что использование атомной энергии принципиально невозможно... Не случайно история навсегда сохранила имена людей, которые умели смотреть далеко вперед, умели ломать старое, преодолевать привычное ради нового. Николай Коперник, Галилео Галилей, Михаил Ломоносов, Альберт Эйнштейн, Дмитрий Менделеев и многие, многие другие — все это были люди, чуждые преклонению перед догматами, люди, для которых главным в жизни было — познать реальный мир. Смелость и свежесть мысли, дерзание — и это тоже отличает науку, атеизм от религии...

И чем труднее будут те задачи, которые встают перед нами, чем удивительнее будут те сюрпризы, которые преподносит нам природа, тем острее и крепче должен становиться наш атеизм, закаляясь в этих битвах.

И мы всегда должны помнить слова В. И. Ленина о том, что любые, даже самые поразительные открытия подтверждают диалектический материализм, подтверждают потому, что эти открытия еще и еще раз свидетельствуют о бесконечном разнообразии развивающейся материи окружающего нас мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	3
------------------------------	---

Глава 1—В ПОИСКАХ ПРИЧИН

Вера или разум?	9
По ту сторону разума	14
Встреча с непонятным	20
Совпадения? Или...	23
Ответы дает жизнь	27
Кортик	35
Победа!..	38
День грядущий	42

Глава 2—ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ

Почему она есть?	55
Ради «третьего»	63
Вера и уверенность	70
Примирения не будет!	71
Надежна ли наука?	75
Великая гармония	78
От спора к спору	81

Глава 3—СПОР С САМИМ СОБОЙ

За границами известного	85
Неизвестное волнует	86
В кругу противоречий	93

Глава 4 — ЗАЧЕМ ЖИВЕМ...

Пути и цели	99
Не сотвори себе кумира	108

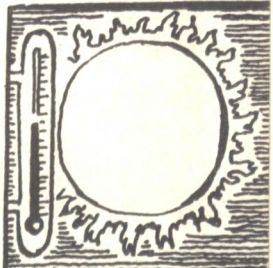
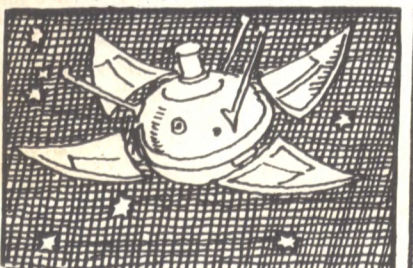
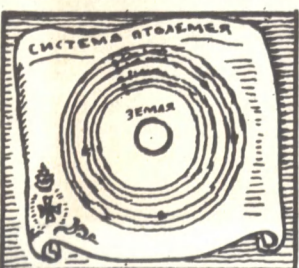
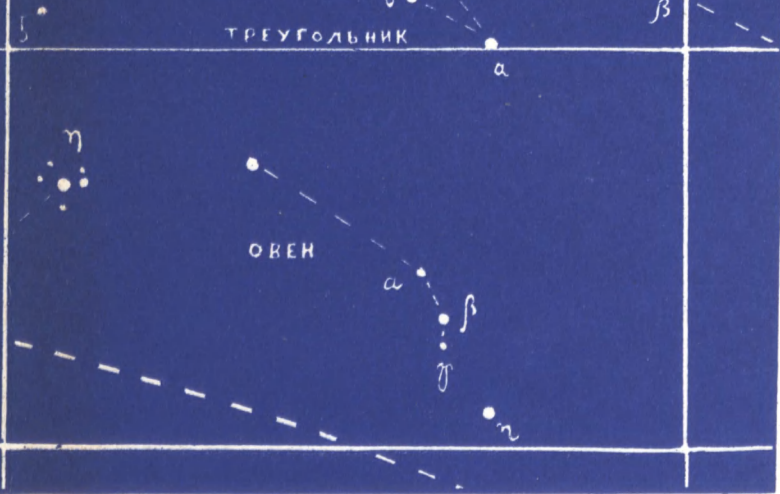
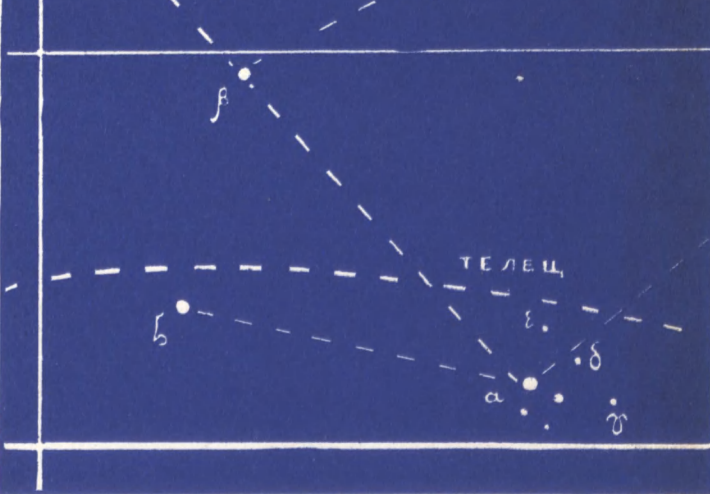
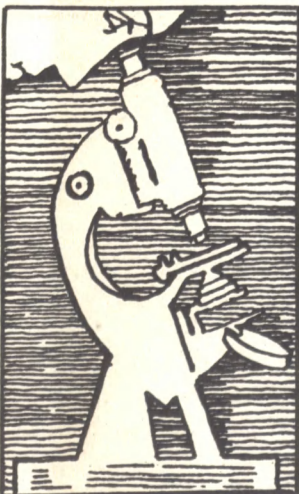
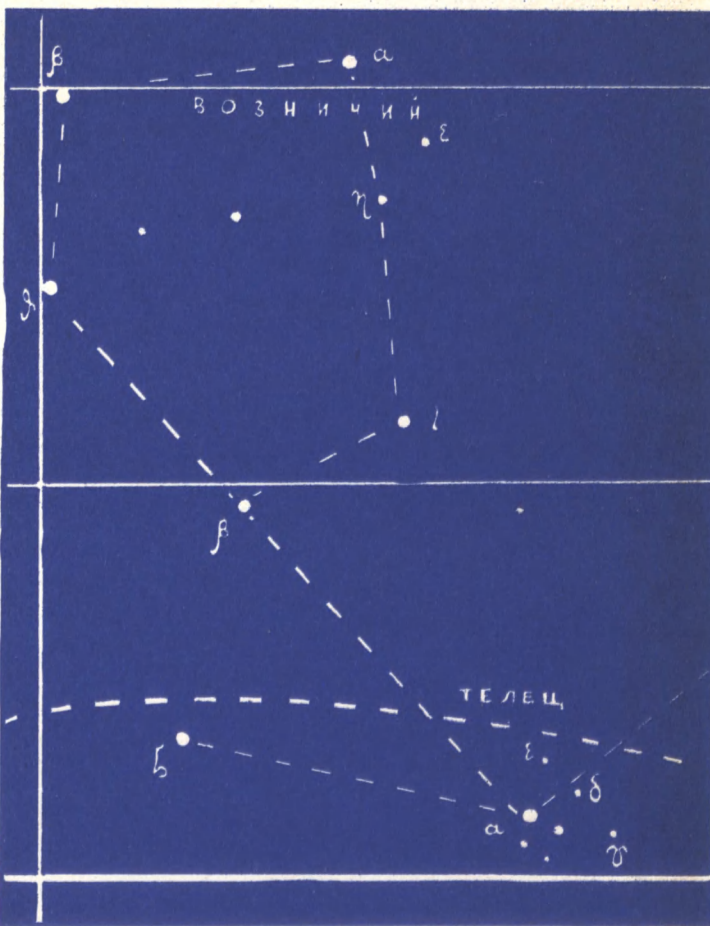
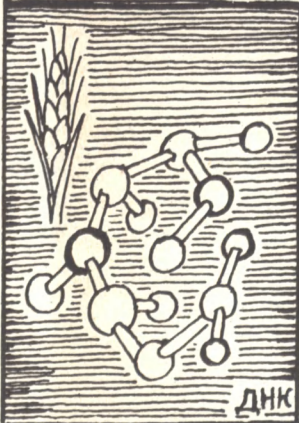
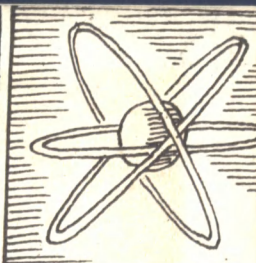
Для старшего возраста

Комаров Виктор Ноевич

СПОР С САМИМ СОБОЙ

Ответственный редактор Э. П. Микоян. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор Л. В. Гришина. Корректоры Г. В. Русякова и Н. А. Сафронова.

Сдано в набор 24/1 1972 г. Подписано к печати 30/VI 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 6,53. (Уч.-изд. л. 6,76). Тираж 75 000 экз. ТП 1972 № 377 А 03279. Цена 36 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суше-вский вал, 49. Заказ № 3678.

Цена 36 коп.